

КУЛЬТУРОТЕХНИКА И КУЛЬТУРОЛОГИЯ С СИСТЕМОДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ: проблемы и перспективы (сообщение I)

— Непосредственным поводом для постановки этой темы было письмо Пермского областного Совета научно-технических обществ и Пермского отделения Советской социологической ассоциации с программой и планом проведения в Пермском политехническом институте в октябре 1980 года научно-практического семинара на тему: «Социологический подход к изучению культуры как целого».

Поскольку мы условились подготовить на этот научно-практический семинар несколько тезисов сообщений, я считал нужным и даже необходимым обсудить здесь основной перечень вопросов, которые интересуют непосредственно нас в анализе изучения культуры. И этим последним соображением определяется тот угол зрения, под которым я и хочу все рассматривать.

Поскольку нас, естественно, в первую очередь интересует не культура сама по себе и как таковая, как это примерно понимают Файнбург с его сотрудниками или, скажем, Лотман с его сотрудниками, а культура в контексте деятельности и, точнее, — развития деятельности, то я буду рассматривать именно с системодеятельностной точки зрения. Поэтому тема моего доклада формулируется примерно так: «Культуротехника и культурология с системодеятельностной точки зрения. Проблемы и перспективы развития».

При этом, наверное, нужно выделить и подчеркнуть еще один, исторический момент, который уточняет эту формулировку темы обсуждения. Исследования культуры (не в мире, а в нашей стране) во многом были стимулированы теми тремя докладами на семинаре по структурному изучению знаковых систем в январе 1962 года, которые были прочитаны Лефевром, Юдиным и мной. Они были объединенные, хотя читали мы их попеременно, ибо, насколько я понимаю, именно там, впервые для советской литературы, было задано обобщенное представление культуры как целого. И эта несуразная формулировка, которая здесь присутствует в информационном письме Пермского отделения Советской социологической ассоциации, как ни странно, была детерминирована именно этими докладами. Поскольку, вообще, для Советской философии, лингвистики и культурологии, которой тогда еще вообще не существовало, и намеков никаких не было, постановка вопроса о культуре как целом и до сих пор является несуразной, пока не задано онтологическое представление культуры как таковой. Я к этому пункту буду еще не раз возвращаться.

Поскольку в этих докладах впервые была представлена схема воспроизводства деятельности и трансляции культуры — январь 1962 года, постольку стало в принципе возможным обсуждение проблемы культуры как целого, и культура как целое выступила как объект. До этого говорить о культуре как об особом объекте было в принципе нельзя. Определения культуры могли быть, но определения, как вы хорошо знаете, не задают понятия. Понятие как таковое, даже если оно категориального характера, не есть предмет изучения, и в частности это было показано в последних работах Юдина. И было разобрано довольно подробно это различие между существованием категорий как понятия, как принципа и как предмета изучения.

До того, как нарисована схема, представляющая культуру как некий целостный объект, само исследование ее и постановка вопроса об исследовании культуры как целого в принципе немыслимы. Не о чем, собственно, говорить. Но, поскольку в этих докладах было дано такое представление культуры, и затем оно было опубликовано в 1967 году в сборнике «Семиотика и восточные языки», постольку стало возможным соответствующее онтологическое представление культуры — раз, и предметизация исследования и разработок — два.

Сейчас этот момент очень плохо осознается участниками всего этого обсуждения. Те, кто прошли весь этот путь, забыли или стараются забыть само происхождение этих постановок вопроса, а те, которые пришли позднее и начали заниматься этим впервые, они не знают и им не рассказывают, как все это происходило. А так как научные движения и развитие научных идей в нашей стране носит скорее подпольный характер, так как нет соответствующей репрезентации идей и фиксации в печати, то возникают всевозможные легенды, мифы, которые трансформируют исходную постановку вопроса и создают удивительные синкретические смешения, склейки, путаницу, совершенно искажающую как ретроспективу, так и перспективу.

И поэтому сегодня все эти постановки вопроса, по моему, в общем-то хорошему знанию всей этой истории, детерминированы именно системодетельностными представлениями так, как они впервые рождались, декларировались, публиковались, эти постановки вопросов потеряли свою исходную привязку к системодетельностным представлениям и системодетельностному подходу и существуют уже сами по себе в удивительно превращенных и смешанных часто формах.

Дальше я постараюсь это показать. Чтобы проиллюстрировать этот момент на другом примере, я приведу пример, а потом я и к культуре это приложу. Я расскажу такую анекдотическую историю, как в 1968 году, в Тарту, происходило Первое совещание по методологии социологии, и там был день, посвященный семиотико-структурным представлениям. И шла дискуссия между двумя направлениями, поскольку там был доклад Лотмана и мой доклад. И сталкивались эти две точки зрения. И вдруг, в ходе этой дискуссии один из очень молодых адептов структурного подхода громко закричал: «А Вы вообще различаете предмет и объект или нет?», — что вызвало хохот в зале.

И примерно то же самое происходит и с понятием культуры. Дело в том, что сейчас практически нигде уже нет работ, посвященных понятию культуры, без термина «трансляция культуры». Он стал уже ходячим. Если вы берете структурные работы Тартусской школы, работы Межуева, работы Давидовича-Жданова, работы Пермской лаборатории — там всюду идет речь о трансляции культуры. Само это понятие «трансляция культуры» воспринимается как нечто очевидное, на поверхности лежащее и банальное.

Носов Н.: Поскольку произошла смена предмета: от культуры к трансляции культуры?

Г.П.: А как Вы думаете, культура вне трансляции культуры вообще может быть задана?

Но: Конечно.

Г.П.: Теперь я буду иметь Вас в качестве оппонента. И ответу. С моей точки зрения, дальше я это постараюсь показать, само понятие «культура» вне понятия «трансляция культуры» и отнесения к схемам трансляции вообще неосмысленно. И ничего этого, т.е. культуры как таковой, вне соответствующей схемы, быть не может.

Но: Но это точно так же, как не существует неразвивающихся объектов. Т.е. генетик сказал бы, что никаких объектов вне их развития не существует, в этом единственно осмысленное задание объекта или задание его через генезис. Например, Пиаже, когда задавал свою логику и называл ее «генетической», говорил: «Все можно рассматривать только в генезисе».

Г.П.: Да. Но Вы здесь путаете две вещи. Когда я говорю все то, что я сказал, я исхожу из идеи схем и, соответственно, феноменальных представлений, детерминированных этими схемами. Я утверждаю, что пока вы не имеете схемы, вы ничего не можете увидеть. Вы видите только соответственно схеме. Поэтому смысл моего тезиса состоит в следующем: для того, чтобы стало возможным говорить о культуре как некоем объекте — объекте изучения, объекте рассмотрения — нужно положить схему, в которой культура задана как некое целое.

Но: Почему ее нужно задавать обязательно через трансляцию?

Г.П.: Подождите секундочку, давайте помедленнее разбираться, членить все это, чтобы было понятно, что говорится, что противопоставляется и т.д. Я *так* сказать — уже не могу.

Итак, мой тезис состоит в том, чтобы мы могли говорить о некотором объекте и предмете изучения, сначала — объекте, а потом предмете, мы должны задать ту или иную схему объекта,

в которой этот объект представлен как объект. Пока человек, находящийся в некой познавательной позиции или имеющий соответствующую познавательную установку, или говорящий о чем-то, не положит здесь некую схему, в которой культура будет представлена схематически как целое, не знаю, в какой схеме, через какие процессы, и сюда будет относиться Ваш вопрос — «почему через трансляцию»... Пока он не положит некой схемы, в которой объект представлен как объект, т.е., попросту говоря, некой онтологической картины, т.е. схемы объекта, в которой присутствует культура как нечто целое.

XI: Можно так сказать: в которой каким-то образом присутствует культура как нечто целое?

Г.П.: Да, каким-то *изображенным* образом. Пока он этого не представит, до тех пор говорить о культуре в целом, рассматривать культуру — в принципе невозможно. Как и любой другой объект. Больше того, вообще даже не может появиться такого терминологического выражения.

XI: Как слово «культура»?

Г.П.: Как «культура» в объектном отнесении. Здесь я ссылаюсь на эти последние работы Юдина с различием. Например, вы можете употреблять слово «культура» понятийно, вот у вас есть слово «культура», оно в некоторой синтаксической структуре. Там, в этой синтаксической структуре, вы употребляете разные термины. Например: кислота — это вещество, окрашивающее лакмус в красный цвет, вступающее в такие-то, такие-то реакции замещения, имеющее электроположительный водород и т.д. И вы все это говорите. У вас вроде бы развернулось определение понятия. Теперь, если вы зададите вопрос, что такое кислота, то вы опять отвечаете, что кислота — это вещество, окрашивающее лакмус в красный цвет и т.д. Вас спрашивают: но что это такое, где она? — т.е. вопрос задается в онтологической модальности. Вы здесь обязательно должны осуществлять то или иное отнесение к объекту. Теперь. Когда вы имеете дело с таким понятием, как кислота, то вам схема часто не нужна, потому что есть — в опыте экспериментальной работы химиков выделены — образцы кислот. Например, для Лавуазье таким образом был уксус. Отсюда, собственно, появляется это представление об «*acedum*», причем, все происходит на замену одной буквы. Если «*acetum*» — это уксус, то «*acedum*» — это кислота, т.е. нечто, названное «уксусом», но получившее родовое имя. И дальше есть, скажем, серная кислота, соляная кислота, азотная кислота, вот они находятся в пробирках, и тогда можно указывать на пробирку и говорить: это кислота, т.е. то, что окрашивает лакмус в красный цвет (Рис. 1).

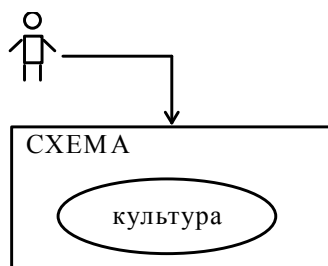

Рис. 1

И есть соответствующий дифференциальный признак — «окрашивает лакмус в красный цвет», который, хотя и не является отличительным признаком, поскольку таким отличительным признаком считают наличие электроположительного водорода, но он эмпирически операционален и позволяет выделить кислоту, скажем, отделить кислоту от щелочи, и всегда проверить, кислота это, щелочь или нечто другое. С культурой так нельзя поступать.

Но: Так поступают, когда, например, говорят: «восточная культура», «западная культура».

Г.П.: Вы знаете, тоже нет. И мне важно Ваше оппонирование, поскольку Вы здесь демонстрируете наивность обывателя. Поскольку Вы все время думаете, на основе оперирования с такими выражениями, что все слова имеют объективное содержание. Вы

думаете, что восточная культура существует наподобие азотной кислоты в пузырьке. Обратите внимание, как я говорю. Азотная кислота тоже не существует в пузырьке, и азотная кислота как идеальный объект совершенно не совпадает с тем, на что мы тыкаем. Но создается иллюзия объективной отнесенности за счет того, что у нас есть эти пузырьки и в них — кислоты. Поэтому создается такое иллюзорное представление, что Ваше понятие объективно наполнено, имеет объективное содержание за счет этого внешнего, иллюзорного плана. Но с культурой — восточной культурой, западной культурой — так поступить нельзя, потому не на что указать. Нет такого единого объекта, даже в виде вещества, налитого в пузырек, как культура: восточная, западная, наша с вами групповая культура. Не на что указывать.

Но: Знаменательный признак!

Г.П.: Вот тут проявляется иллюзорное сознание ‘обывателя в квадрате’! Потому что он еще, кроме того, и на предмет истории весьма беззаботен. И забывает, что Лавуазье, Форкруа, Бертоле и другие основатели современной химии, как и алхимики — до них, имели дело с веществами, которые они щупали, приводили во взаимодействие друг с другом и т.д. И поэтому признак, о котором Вы говорите, например, «окрашивает лакмус в красный цвет» или, как, например, как думал Лавуазье, «содержит кислород». Так как у него именно наличие кислорода для первых выделенных им шестнадцати кислот и было вот этим «знаменательным» признаком. Если он проводил анализ, выделял там кислород, то он считал, что это есть кислота, и он считал кислород «кислоту-рождающим». Итак, шло оперирование с объектами, реальными веществами, с тем, что переливалось и наливалось, вступало на его глазах в какие-то соединения.

Когда мы говорим про культуру — восточную, западную и т.д. — то там нет объектов оперирования, культуры принадлежат к объектам принципиально иного типа.

Но: Как же так? Например, я пришел в индусский храм, что-то сделал не так, и меня побили...

Г.П.: А если я Вам сейчас всыплю пощечину, то Вы тоже поймете, что это культура?

Итак, я с самого начала противопоставляюсь этому Вашему наивному сознанию ‘обывателя в квадрате’ и говорю, что все то, с моей точки зрения, есть удивительное, иллюзорное представление, на котором сегодня и зиждется все неразумие культурологов. Поскольку нельзя сказать, что это — неразумие культурологии, ибо она за это не ответственна. Она в своих классических образцах идет совершенно другими путями, но поскольку подавляющее-то число культурологов — обыватели, в том смысле, как я сказал, то они исходят из того, что, например, их побили — значит это культура.

Далее я вернусь к этому пункту, так как он очень важен, и буду дальше обсуждать его очень серьезно. Но пока я так это говорю. Их побили, они что-то не сумели сделать и т.д., и они почему-то думают, что все это культура. Вообще-то понятно, почему они это думают. И я сейчас перехожу к объяснению этого. Они все время пользуются взятыми у кого-то напрокат терминами и понятиями. Кто-то, т.е. основатели, создают понятия соответствующие, затем это все входит в речь, берется другими людьми в речи, без восстановления обратной процедуры отнесения и объективации. И так как подавляющее большинство этих потребителей не мыслят в принципе, а только имитируют мышление в речи, без операциональной проработки всего этого, то они по образцам этих «чувственно единых», как мы говорили в 50-е годы, вещей, т.е. кислоты, лампы, стола, — они точно так же работают и с такими чувственно-множественными образованиями, такими, как «народ», «культура», «формация» и т.д. Т.е. с понятиями, фиксирующими объекты принципиально другого, не технически практического типа, т.е. не включенными в предметную деятельность. Они образуют все это точно по такой же парадигме и думают, что им дана культура. Реально им даны только слова, слова с соответствующим смыслом, но без объективного содержания. А поскольку, я уже сказал, они, как правило, не мыслят, и их профессиональная работа не требует мышления, и в этом смысле они могут говорить о чем угодно и как угодно, и их никогда нельзя побить за это.

Но: Вовсе не потому, что они не думают.

Г.П.: Потому что они не мыслят. Они думают. Как в свое время смеялся Короленко: они думают, например, о том, сколько минут осталось до звонка или где достать колбасу, и при этом они думают, что они мыслят.

Х1: Смотрите, в какое трудное Вы их поставили положение. Культурологи ввели некую категорию — культуры или народа. И, как Вы сказали, эта категория такая, что с объектом этой категории оперировать нельзя, поскольку его нет.

Г.П.: Я говорю даже больше. С объектом нельзя оперировать, но не потому, что его нет, я говорю, что его и нет, и оперировать с ним нельзя.

Но: Но ведь для человека, «наивного обывателя», нужно что-то делать. С тем, с чем он работает по долгу службы. И поэтому он вынужден эту категорию, которая не имеет объекта и с которой нельзя оперировать, как-то операционализировать.

Г.П.: Ничего подобного. Дело в том, что поскольку он, этот наивный обыватель, никогда не имеет дело с культурой, он никогда не должен с ней работать. Это не входит в его профессиональные обязанности. Постольку ему и называть этого не надо, а употребляет он это слово от учености. Не потому, что он включен в работу с культурой, причем, сейчас уже мне все эти послышки очень важны, ибо мы сейчас начинаем цеплять подлинную канву и тематику обсуждения.

Итак, он не работает с культурой, этот наивный обыватель. Вообще, он к ней непричастен, он ее не обсуждает, он не оперирует с ней, он ее не анализирует, не исследует. Он вообще никак не связан с этой «культурой», это не его дело, не его занятие. Но при этом, поскольку он еще включен в коммуникативные, реферативные контексты, еще какие-то с другими людьми, и поскольку в речи-языке уже, за счет работы первых культурологов, философов, по сути дела, начинает как-то фигурировать понятие культуры, то он точно так же начинает болтать по этому поводу. При этом, смотрите, что я различаю. Слово «культура» осмысленно, поскольку оно включено в контекст и употребляется им, но оно бессодержательно, поскольку за ним нет никакого денотата. И этот денотат не может быть выделен, поскольку такого реального объекта как культура нет и быть не может.

Но: Вы утверждаете, что только философы вводят категории в культурной коммуникации?

Г.П.: Да.

Но: Или такое понятие как «культура», слово «культура» или аналогичные, могут появиться другим путем? Вот эти слова.

Г.П.: Про слова я не обсуждаю. Как рождаются слова — это особый разговор. Но я как раз подчеркиваю здесь, что Вы еще раз демонстрируете здесь очень нужную мне позицию обывателя, который разницу между категориями, понятиями и словами не чувствует. И поэтому, когда Вы спрашиваете, то непонятно, о чем Вы спрашиваете. О категориях, словах, понятиях? А это каждый раз надо спрашивать отдельно. Поэтому я ведь утверждаю следующую простую вещь. Категории такого рода, как «культура» (вообще — все категории) вводят философы, и никак иначе они не появляются и появиться не могут...

Как возникают слова — это особый разговор, поскольку, вот как в примере с уксусом. Это тоже очень интересно. Понятие кислоты вводит химик. И он же философ. Но при этом он берет слово «уксус» только для того, чтобы теперь создать звуковую, словесную оболочку для нового понятия, он произносит не «уксус». И просит различать «уксус» и «укс'ус», который есть родовое название. Вопрос о возникновении слова очень интересен. И там свои законы использования этой звуковой оболочки. Когда эту звуковую оболочку вводят, то очень многие обыватели начинают говорить кроме привычного им слова «уксус» еще слово «укс'ус».

Но: Я спрашиваю про обращение слова «культура» в коммуникации. Почему Вы полагаете, что может существовать понятие «культура» без категории «культура»?

Г.П.: Да нет, поймите... Я дальше уже Вас вырублю, потому что дальше мне уже становится не интересно.

П.Щ.: Здесь спрашивается другое. Почему коммуникация определена категорией «культура», созданной философами?

Г.П.: Я этого вопроса не принимаю, поскольку он не задан, бессмыслен с точки зрения контекста моих рассуждений. Что такое «введение категорий»? Прежде, чем Вы говорите, что «вводится категория», Вы должны спросить, что Вы хотите иметь под этим в виду. Потому что есть *введение категории «культура»*, есть *понятие «культура»*, а есть *слово «культура»*.

Но так как Вы мне задали вопрос в лоб, то я говорю, что категория «культура», понятие «культура» вводится только философами. Все. Я выразил свою точку зрения, и этот вопрос обсуждать больше не хочу. Если Вы хотите спорить на этот счет — с удовольствием. Тогда давайте строить аргументы, контраргументы и обсуждать эту проблему, но она меня сейчас не интересует, поскольку к вопросам культуры отношения не имеет; это — к вопросу о понятиях, категориях и т.д. Главное, что я выразил свою позицию и меня в бесчестности обвинить нельзя.

Я же здесь сейчас обсуждал более простую вещь. Есть такие слова, как, например, «кислота», которые имеют псевдо-понятийные реальные отнесения на основе этих знаменательных признаков («окрашивает лакмус в красный цвет»). Подобные слова имеют понятия и, соответственно, идеальный объект, формированием которого занимались химики от Лавуазье и дальше. Химики и философы.

Итак, здесь имеется второе отнесение через эту схему, которую условно назовем схемой, фиксирующей идеальный объект. А это — реальные объекты. Так вот, я говорю очень простую вещь. Поскольку в таких образованиях, как «культура», «народ» и прочее нет и не может быть этого реального объекта, это образование принципиально другого рода, поскольку там онтологическое или объективно-содержательное употребление слов, или терминов без схем вообще невозможно.

Теперь я сделаю более жесткое утверждение. И если мы теперь обратимся к истории, то увидим, что все подобные понятия возникают впервые на схемах, а не на объектах. Пока не введена схема, до тех пор никто не может говорить о культуре как целом, употреблять осмысленно эти слова, ставить вопрос, каковы они, осуществлять предметизацию и т.д.

Но: Схему Вы имеете в виду изобразительную?

Г.П.: Для упрощения мысли давайте считать — изобразительную. Хотя формы изобразительности могут быть любые. Это должно быть такое изображение, которое живет по законам идеального объекта. И пока не будет схемы, изображающей или выражающей идеальный объект, так как кроме, как в этой схеме, идеальный объект нигде не существует, — до тех пор говорить объективно-содержательно о культуре нельзя. И теперь здесь Ваш вопрос: почему обязательно через трансляцию культуры? Я действительно утверждаю и дальше буду это аргументировать и показывать, что культура иначе как через трансляцию культуры никак осмысленным образом введена быть не может. И этому дальше будет посвящено много в моем сообщении.

Но что пока я утверждаю — что нужна была такая схема. Поэтому, когда мы ее ввели в 1962 году, то мы впервые дали представление о культуре в идеально-объектном смысле; но дальше, поскольку это начало ходить каким-то образом в широком кругу наивных культурологов, оно начало склеиваться с их чисто обывательскими представлениями, ненаучным, не философским, бессодержательным употреблением слова «культура», и образовались такие склейки. Но так как была эта компонента еще, то они начали все время связывать это с понятием трансляции культуры. Поэтому сейчас, буквально во всех работах, от Маркаряна до Межуева, Файнбурга и Жданова, вы встретите выражение «трансляция культуры», которое в этих работах точно так же становится бессодержательным, поскольку они не пользуются соответствующими схематизмами, а следовательно, реально-то не имеют идеального объекта. Поэтому выражение «трансляция культуры» во всех этих работах — оно хотя и осмысленно, поскольку оно используется в контексте нашего языка, но совершенно бессодержательно в этих концепциях. Но это надо иметь в виду.

И я, прежде, чем дать Вам, Саша, слово, завершаю этот кусочек и эту мысль. Для чего мне это все понадобилось, и для чего я это все говорю? На мой взгляд, осуществляющийся сейчас

теоретический и эмпирический поиск в области культуротехники и культурологии совершенно не разумен, он абсолютно не рационализирован. И это обстоятельство делает эту работу, на мой взгляд, совершенно неэффективной. А мы, между тем, крайне заинтересованы в развитии этих исследований и разработок, в частности потому, что без специального анализа культуры, без развития культуротехники и культурологии не могут эффективно разворачиваться системоделятельные представления. Поэтому нашу задачу я вижу в том, чтобы постараться внести в культуротехническую и культурологическую работу максимум возможной разумности и рациональности. В этом — основная целевая установка. В следующем пункте я скажу о трех, на мой взгляд, основных причинах, обуславливающих эту неразумную и нерациональную постановку вопросов. Практически, мы уже начали это обсуждать, но я это как бы подытожу. Таким образом, я заканчиваю этот первый смысловой кусок.

Поводом для обсуждения этой темы является это информационное письмо. Но, кроме того, мы, в контексте и перспективах развития системоделятельных исследований, крайне заинтересованы в этих направлениях. Культуротехнические и культурологические исследования есть необходимая составная часть системных мыслительных исследований. Нынешнее состояние этой культуротехники и культурологии я характеризую очень сложным образом. С одной стороны, я говорю, что во многом это есть продукт тех исходных постановок вопросов, которые были у нас 20 лет назад, и они до сих пор несут на себе эту печать. Но при этом они стали неразумными и нерационализированными именно из-за того, что те аспекты, которые мы вводили, а именно идеальное представление культуры на схемах воспроизводства деятельности, — этот момент многими из этих направлений не берется. И даже когда они это хорошо знают, а знают они это прекрасно все, они стараются уйти от этого и перевести всю проблематику, как выражается Файнбург, из плана предельно абстрактных и общетеоретических постановок вопросов в конкретную. И поскольку они стремятся это сделать, не реализуя законов предметизации, то они попадают в бессмыслицу. И это и требует обсуждения и соответствующей рационализации. Вот это — основной тезис моего первого кусочка.

Веселов А.: Вопрос относительно Вашей квази-оппозиционности Колиным вопросам. Я задаю из понятийной модальности. Могу ли я квалифицировать, что тип объекта требует определенного типа средств фиксации?

Г.П.: Это само собой, но я не знаю, как Вы из этого придете. Да, каждый категориальный тип объекта требует своего языка фиксации, в том числе — и своего языка онтологических изображений.

Ве: Но здесь, на мой взгляд, речь-язык возникает как неадекватное средство фиксации в онтологической модальности для объектов такого типа как культура. Я имею в виду не только словесную форму, но и понятийную.

Г.П.: А это не речь уже. Речь — она нам необходима, но на своем месте. Речь действительно не дает средств онтологического представления, в принципе, она не для этого сделана.

Ве: Я понимаю. А понятийная репрезентация вроде бы исключает интенциональную направленность на объект, хотя имманентно ее имеет?

Г.П.: Нет. Я говорю здесь более тонко. Надо различать понятия и псевдопонятия. С моей точки зрения, всякое понятие, в строгом смысле этого слова, возникает на онтологической схеме. Никаких понятий без онтологической схемы в истоке возникновения этого понятия, в генезисе — нет и быть не может. Я бы даже утверждал так: нет понятий, возникающих на ее базе и с помощью только словесной речи, словесного языка. Но понятий как *понятие*, как форма, свертывающая понимание. И это нельзя забывать, ведь понятие не есть единица мышления. Понятие есть единица мышления вторичным образом, через то, что понятие свертывает понимание, т.е. пассивную позицию. Фактически, понятие есть форма детерминации мышления пониманием. Вы рисуете эту схему коммуникации, ставите второго, получившего текст, и понятие есть форма, специфическая для него.

Понятие есть средство, позволяющее содержательно воспринимать и понимать текст, с соответствующим отнесением к объективной области.

Для мышления понятия не нужны, в принципе. Мышление скорее разворачивается на онтологических схемах и конструктивных образованиях. Но в той мере, в какой мышление выражается в тексте, а тексты должны быть понятны, понятие определяет мышление, и поэтому понятие есть превращенная форма для мышления. Понятие очень часто «выбрасывает» онтологическую схему и заменяет ее, скажем, в формах определения понятия, операциональными признаками, или признаками с соответствующей операторикой. И в той мере, в какой оно это делает, в той мере понятие освобождается от прямого представления идеального объекта и выполняет свои функции.

Теперь что Вы здесь спрашиваете?

Ве: Я имел в виду второй тип понятий как превращенных форм. Т.е. вроде бы интенциональность, задаваемая этой онтологической схемой, изначально сохраняется, но распределяется через операциональные признаки.

Г.П.: Обязательно, через операциональный признак и представления о каком-то продукте операции. А именно: лакмус окрасился в красный цвет или в синий, и в зависимости от того, что там получится, мы скажем, что там — кислота или щелочь.

Ве: Понятно. Тогда необходимость воспроизведения изначально фиксированного объекта через онтологическую схему, задающую генезис разворачивания этой последовательности понятия и его превращенности, должна воспроизводиться через втягивание всех этих операциональных признаков и реконструкцию через них этой схематики. Но уже по другим законам.

Г.П.: Да. Если мы берем понятие в его динамике. Т.е. начиная от становления, формирования и кончая этой превращенной формой его фиксации и употребления.

Малиновский П.: Превращается в то, что называется «объемом понятия».

Г.П.: Классовым представлением.

Ма: Признаки — есть содержание понятия, если будем брать в понятии функционирование, а не генезис.

Ве: Если в функционировании — да, но я рассматривал генетическую сторону.

Ма: Но генетически — тогда это отбрасывается.

Г.П.: Так Саша и сказал, что это отбрасывается. Но если мы берем, то мы должны через этот операционализм с соответствующими признаками, т.е. через то, что Вы называли содержанием и объемом понятия, мы должны восстановить ту идеальную схему, на которой она образовалась. Идеальная схема, или схема идеального объекта, или онтологическая схема и т.д.

Ве: Т.е. вроде бы это как средство видения. За счет чего открывается план исторический в работе такого типа, как Вы зафиксировали, как культурология и культуротехника.

Г.П.: Нет. Про культурологию и культуротехнику — особо, поскольку там этого нет.

Ве: Там этого нет, но мы можем иметь этот способ как образец.

Г.П.: Как образец, как парадигму, и относительно этого все рассматривать и спрашивать: было-не было. И *что* было вместо этого. И это я буду отчасти делать.

Второй пункт. На мой взгляд, причиной, *источником* этого неразумия и нерационализированности, кои существуют сейчас в мире культуротехники и культурологии, являются *три основных фактора*, которые характеризуют современное состояние культуротехники и культурологии.

1. Для подавляющего большинства работ — умозрительный характер. Господство чисто гностической, познавательной то бишь установки. Отсутствие прямой и осознаваемой связи с практическими и техническими задачами, я могу добавить: превращающими культуру в объект техники и практики.

2. Отсутствие сколько-нибудь приемлемых и проработанных онтологических схем, представлений и картин. Т.е. отсутствие способа в задании культуры как объекта рассмотрения и объекта изучения.
3. Отсутствие адекватных средств и методов изучения культуры, т.е., по сути дела, отсутствие форм предметной организации здесь.

Эти три фактора, на мой взгляд, являются решающими, и нужно обсуждать всю эту тематику по этим трем планам. И, собственно, это я дальше постараюсь сделать. Т.е. указание на три источника неразумия и нерациональности в культуротехнических разработках и культуротехнических исследованиях задают мне, вместе с тем, и план дальнейшего обсуждения.

Ма: Вопрос по поводу предметной организации. Вы сохраняете здесь эту гностическую установку или Вы будете иначе подходить к этому и говорить, что нужны иные предметы, нежели существующие сейчас?

Г.П.: Я говорю, что никаких предметов нет.

Ма: Но они нужны?

Г.П.: Конечно нужны. Без предметного подхода к культуре не может быть ни культурологии, ни хорошего обеспечения культуротехники. Но этих предметов нет, т.е. предметная организация отсутствует. И никогда не удастся осуществить эту предметную установку.

Ма: Вы исходите из того, что она обязательно нужна?

Г.П.: Я вообще не понимаю, что такое «обязательно». Я считаю, что тезис «обязательно нужна» — дурацкий тезис. Но из того, что мы не говорим, что она обязательно нужна, не следует, что она не нужна.

Ма: Вы считаете это минусом — отсутствие предметной организации?

Г.П.: Конечно.

Ма: А может быть это плюс? Может быть, здесь надо что-нибудь совершенно иное, не предметную организацию?

Г.П.: А я не знаю, что значит иначе. Для меня это звучит примерно так: ну конечно, человек должен быть умный, но при этом должен ли он иметь ноги? С моей точки зрения, должен, чтобы ходить, бегать и т.д. И вопрос о том, должен ли он быть умным или с ногами, я не обсуждаю. На мой взгляд, он должен быть и умным, и с ногами.

Поэтому, все другие, пожалуйста, как угодно, но и предметная организация нужна. Я вообще не мыслю себе никакого продвижения вперед без того минимума достижений, которые уже были. Поэтому я могу, например, бороться с господством предметной точки зрения. И говорить, что наличие этих шаблонов как единственных, установка на создание предметов там, где они вроде бы мало эффективны, часто оказывается пагубной. Я это могу говорить и я это часто говорю, но я никогда не говорю, что предметы не нужны. Я говорю, что нужны надпредметные структуры. Но они невозможны без реализации предметных.

Такова моя позиция здесь. И вроде бы те формулировки и оппозиции, которые Вы даете, для меня не очень приемлемы.

Но: Каждый из трех Ваших тезисов видится мне двойным. С одной стороны, объектная картинка, а с другой стороны — средовая.

Г.П.: Не понимаю, о чем Вы говорите.

Но: Правильно ли я понимаю Ваш, например, второй тезис о смысле онтологических схем, т.е. отсутствие способов задания культуры как объекта, состоящего ... (обрыв)

Г.П.: Коля, у меня же тезис такой. В чем причины и источники того неразумия, которое я сегодня вижу в культуротехнике и культурологии? И я отвечаю: три причины, три источника.

Но: Но это точно так же, как одна причина из двенадцати.

Г.П.: Я Вас не понимаю. Я не слышу вопроса.

Но: Это все причины, или — причины, организованные в какую-то целостность, или это набор, который Вам кажется, и предъявлять к нему какие-то требования полноты нельзя.

Г.П.: Предъявлять требования полноты нельзя, наверняка есть еще много факторов и причин, каждая из которых влияет частично, более полно. И здесь вообще требование полноты, на мой взгляд, неосмысленно. Вообще к мыслительной работе требование полноты неосмысленно.

Но: Тогда — непрерывности.

Г.П.: Непрерывности — это совсем другая вещь, но насчет непрерывности — тоже неосмысленно, поскольку работа должна быть прерывной и другой быть не может.

Но: Понятно, прерываться надо.

Г.П.: Обязательно, и даже больше того, для того, чтобы сообразить и отрефлексировать.

Тюков А.: Ваши утверждения относительно трех факторов (я имею в виду прежде всего первый фактор) относятся к культурологическим направлениям, декларируемым как культурологические или культуротехнические в том числе, или к таким, например, как «антропотехнические» направления, например, в социологии или социально-культурологическим в психологии, типа Фромма, каких-то таких культуротехнических традиций?

Г.П.: Это очень серьезный и интересный вопрос. Его надо серьезно обсуждать и там много трудностей. Но я ограничиваюсь и предпочитаю говорить сейчас только о тех направлениях, которые объявляют себя культурологическими. Т.е. ставят на своем знамени то, что они занимаются изучением или исследованием культуры. Поэтому я даже пока что вырубаю такие очень интересные вопросы, как культурно-исторический подход. Что очень интересно, но требует особого обсуждения.

Тю: И соответственно — культурологический подход. Или сюда уже включаются?

Г.П.: Тут я могу ответить Вам. Но весьма осторожно. Меня сейчас интересует все те, кто объявляют, что они занимаются рассмотрением и изучением культуры, а остальных пока не трогаю. Я задам потом все то, что есть на периферии.

Третий пункт. Очень интересен вопрос о тех социокультурных условиях и обстоятельствах, которые создают впервые культурологию или культурологическую (что для меня одно и то же) точку зрения.

Грубо говоря, очень интересно, почему культурология возникает в конце XIX столетия, я в данном случае имею в виду немецких неокантианцев, в первую очередь направление — Виндельбанд, Коген, Наторп, Рикерт. Почему именно в конце XIX-го столетия мы все больше и больше говорим о культуре, ставим задачу выделить это в качестве предмета изучения, начинаем изучать культуру и т.д.?

Мой ответ на этот вопрос (в самом грубом виде) звучит примерно так. С моей точки зрения, культура начинает выделяться как нечто особое, требующее специального рассмотрения и анализа, в частности, предметного анализа, тогда, когда становится достаточно массовой и обсуждаемой деятельность по сознательному и целенаправленному развитию структур человеческой деятельности. Когда эта работа осознается именно как работа, направленная на развитие структур человеческой деятельности, и фиксируется достаточно большое количество неудач в такого рода работе.

Я могу пояснить этот тезис на опыте работы нашего кружка, потом попробую сделать некоторое обобщение. Я ведь, фактически, сделал — и я здесь возвращаюсь к нашей предварительной дискуссии с Колей Носовым, что содержательные, по-настоящему осмысленные разговоры о культуре становятся необходимыми для тех, кто, прежде всего, занимается некоторым жизнестроительством.

Но: Но не собственным. Не личным.

Г.П.: Конечно. Заниматься жизнестроительством лично — это бессмыслица. Я говорю о такой особой, ответственной позиции, когда приходится заниматься жизнестроительством и при этом сталкиваться, в этой своей работе, с социумом, с людьми. И, осознавая эту ситуацию столкновения, приходиться к идее осознанной техники, т.е. рассматривать себя как строящего и вынужденного в этих условиях бороться, преобразовывать, перестраивать нечто, фиксировать все время полные или частичные неудачи этой работы, искать причины этих неудач и, соответственно, анализировать ту ситуацию, в которой происходит это жизнестроительство. Сами эти установки на жизнестроительство могут быть самыми разными. Например, мы можем ставить задачи на развитие и создание каких-то наук или научных дисциплин. В этом смысле ситуация, с которой столкнулся наш кружок, является классической. Воспитанные в конце 40-х — начале 50-х годов в условиях изоляции от мировой культуры, в условиях, когда, фактически, мы не могли получать книги в библиотеке, для этого каждый раз требовалось специальное разрешение, подавляющее большинство книг находилось в спецхране. Просто — философских книг. Например, Кант находился в спецхране.

Мне вспоминается ситуация, когда в 1948 году, будучи пропагандистом в сети партпросвещения, я начал рассказывать, и довольно подробно, студентам на физфаке о том, что существуют работы Канта, Платона, в чем был смысл философского движения, то сразу же, на следующий раз, пришла большая комиссия из парткома, и я потом месяца четыре все ходил и объяснял, почему мне это взбрело в голову все это рассказывать, когда есть «Краткий курс ВКП/б», по которому все это надо учить. Была ситуация, когда весь мир культуры был заменен «Кратким курсом». И это не преувеличение, это фактически так.

И в этих условиях естественно, что формальная логика была отвергнута как немарксистская в 20-е-30-е годы, математическая логика была отвергнута в 1947 году как буржуазная выдумка, неподходящая для Советского Союза, был том «Капитала», который, как вы знаете, не Логика с большой буквы, но зато логика Капитала. И это было то, с чего мы могли начинать, и в этих условиях мы должны были строить, скажем, новую логику, обеспечивать связь философии с науками и т.д.

И при этом мы твердо знали и понимали, или нас вынуждали это знать и понимать, что наша профессура, скажем, В.И. Черкесов, П.С. Попов, даже очень уважаемый нами В.Ф. Асмус или Ахманов, не могут ничего нам дать, и не могут дать нам образцы логической работы.

И в этих условиях мы должны, вынуждены строить новую логику. Будет ли она называться «диалектической логикой» или «содержательно-генетической логикой», или еще какой-то, это задача была нами осознана как задача, во-первых, строительства, творения ее, во-вторых, как задача, которая не могла быть решена без борьбы с носителями прошлых традиций. И если мы вдруг на минуту об этом забывали, то они нам тотчас же напоминали об этом и ставили либо двойки на курсовых, дипломных и аспирантских экзаменах, либо предавали анафеме те работы, которые мы давали, объявляя их, соответственно, анти-одними, анти-другими, анти-третьими и т.д. И мы были поставлены в ситуацию, когда вынуждены были осознавать все это. Т.е. то, что мы при этом нарушаем сложившуюся традицию, разрушаем ее. И для того, чтобы иметь возможность заниматься логикой — диалектической или формальной, или методологией, неважно, все были поставлены в такие условия, и представители формальной логики даже еще в худшие, поскольку она являлась антисоветским образованием, это сейчас она основная форма советского мышления, марксистско-ленинского, а тогда, когда это начинало развиваться, это было антимарксистское направление; или системным мышлением — оно тоже объявлялось антимарксистским направлением, попыткой подменить философию марксизма-ленинизма «чем-то». Сейчас вы все это либо вообще не знаете, либо можете слышать мельком, но никогда не поймете всего этого. Мы попадали в эту ситуацию и должны были ее осознавать как ситуацию на жизнестроительство и на борьбу с чем-то.

При этом я лично очень всегда уважал таких людей, как профессор Иовчук или даже профессор Черкесов. Мне даже нравилось, как он работает. Я понимал его переживания, рассматривал его деятельность <как деятельность> по уничтожению формальной логики. Он был зав. кафедрой логики, В.И. Черкесов, и он уничтожал ее как мог, но это была партийная

работа, и он был при этом честным, он это делал по убеждениям. Он заставлял С.А. Яновскую и В.Ф. Асмуса публично на заседании кафедр присягать, что они никогда больше не будут ни переводить, ни читать зарубежных работ по математической логике. Но это было все понятно и честно. Я видел, как он вел семинар, и это было очень здорово, он душу туда вкладывал. И, чтобы критиковать И. Канта, он читал в подлиннике на готическом шрифте, и прорабатывал страницу за страницей, в отличие от современной молодежи, которая в подавляющем большинстве, по-видимому, вообще ничего этого не читает.

Сталкивались ли мы с проблемой строительства и создания логики, методологии, каких-то новых наук или мы хотели создавать новые формы педагогики, педагогической работы, или, скажем, как сейчас студенты Московского физико-технического института пытаются вновь возродить свой институт, и в связи с этим творят форму кураторства, и у них идеи, чтобы старшекурсники помогали младшекурсникам учиться, и чтобы аспиранты подключались к этой работе. И за одну эту идею их точно так же вышибают из института или не пускают круглых отличников в аспирантуру только потому, что они хотят как-то улучшить работу в своем МФТИ. И это одно оказывается основанием для того, чтобы их выпихивать, причем, при сданных «на пять» экзаменах.

Эта ситуация является стандартной, и она ведет к определенной форме рефлексии и самосознания. Т.е., когда начинаешь понимать, что не можешь жить без этого жизнестроительства — раз, второе, что ты при этом вынужден вести борьбу, и что при этом то, с чем ты борешься, — это не люди с их злым умыслом и волей (этот фактор очень важный), что дело здесь не в В.И. Черкесове, не в доценте Никитине, а здесь речь идет о чем-то совершенно ином, более принципиальном. (Я забегу немного вперед: либо вы будете искать это в социальной организации, либо в культуре, либо еще в чем-то, и так это будет дальше разворачиваться). Но нужно было заниматься этим активным жизнестроительством, и надо было осознавать, что ты поставлен в условия, когда вынужден менять, трансформировать, развивать, поскольку точка зрения историзма, развития принимается как принцип, что ты вынужден развивать, или исторически трансформировать существующие формы организации деятельности, что ты вынужден осуществлять историческую в этом смысле работу.

Наташа: Существовали какие-нибудь критерии для отметания одних дисциплин и провозглашения других?

Г.П.: Они каждый раз утверждались людьми. Например, в 1953 году, в декабре, а дальше в январе-феврале 1954 года, на философском факультете Московского университета проходила очень интересная дискуссия по проблемам логики. Она шла после Сталина, вслед за дискуссией 1949-50 годов, и представляла собой попытку решить эту проблему путем боевых действий, в прямом смысле этого слова. Т.е. представители диалектической логики собирались на одной стороне, представители формальной логики — на другой стороне, и шли «стенка на стенку» в этой дискуссии, причем, предыдущая дискуссия в 1949-50 годах не дала результата. Вроде бы там формально победили диалектики. Затвердили, что формальная логика не имеет право на развитие и всякое прочее. Но там это было сложно. Я когда-то, несколько лет назад, рассказывал вам это более подробно. Была школа в то время, в ней было введено преподавание логики, т.е. намечался очень большой контингент в области подготовки. Поэтому война-то шла за овладение большими областями деятельности, за господство там, и обе стороны вводили и утверждали определенные принципы. И смысл этого совещания — оно было идеологическим по сути своей — заключался в том, чтобы утвердить определенные критерии для отметания одного или другого. А вот *что* будут отмечать, зависело от конкретного соотношения сил. Кто победит.

Кстати, в 1959 году, в Институте психологии, под руководством Б.М. Теплова было устроено примерно такое же столкновение. Б.М. Теплов, используя А.А. Смирнова и других, пытался устроить такое же побоище, где должны были покончить со школой Выготского и заклеить работы Выготского как антимарксистские, идеалистические и т.д. И это было хорошо все организовано, и только тактика и логика борьбы, вступление каких-то резервов, скрытых сил, маневры — они определяли, что произойдет, и что и как будет, и кто будет

объявлен вне закона, а кто, наоборот, захватит кафедры и будет вести преподавание. И это происходит постоянно, и сейчас готовится еще одно такое столкновение, которое подготавливается, а потом будет открытое сражение на поле психологии за то, кто же, собственно, прав.

Мой тезис состоял в том, что как только мы сознательно ставим перед собой или приходим к задаче развития каких-то структур деятельности, так неизбежно мы сталкиваемся (здесь я употребляю очень странные формы речи, и меня здесь можно очень эффективно и по-настоящему критиковать) с культурой как тем, что сопротивляется нашим действиям, следовательно, должно как-то учитываться, сознательно и целенаправленно перестраиваться.

Но: Вы, следовательно, выступаете как наивный обыватель.

Г.П.: Да, но в отличие от наивного обывателя, я фиксирую то обстоятельство, что я здесь выступаю как наивный обыватель.

Но: Обладаете сознанием наивного обывателя.

Г.П.: Я говорю, что рассуждаю как наивный обыватель, а сознание у меня не наивного обывателя, потому что я при этом говорю, что я наивный обыватель. И для того, чтобы это сказать, надо иметь другое сознание.

Ма: Не сознание, а самосознание.

Г.П.: Я, фактически, применяю здесь особого рода прием, который осмыслен только в ретроспекции определенного рода, когда я полагаю, как нечто существующее реально, в условиях, когда вроде бы еще нет понятий и представлений об этом. Т.е. я здесь вынужден сказать: мы сталкиваемся с культурой как с тем, что сопротивляется нашим действиям, должно учитываться сознательно и целенаправленно перестраиваться, но при этом, сталкиваясь с культурой, мы еще не знаем, что мы сталкиваемся именно с культурой, и вообще не знаем, с чем мы сталкиваемся, и должны ответить на этот вопрос. Поэтому я здесь выступаю, фактически, в очень сложной и интересной позиции (Рис. 2).

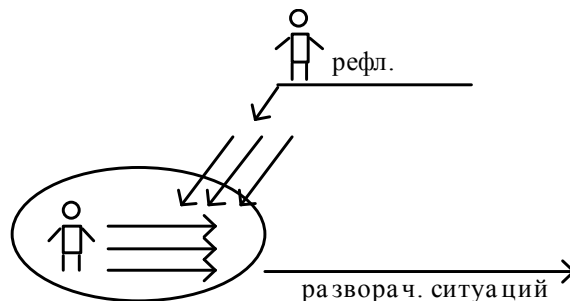

Рис. 2

Я беру этого жизнеустроителя, поставленного в определенную ситуацию, осознавшего целый ряд вещей: что он должен развивать структуры деятельности, но он еще не знает, ни что такое культура — как мы, кстати, тогда этого не знали, что такое культура. Мы не говорили этого, мы не обсуждали всего этого, мы ставили свои особые цели, решали свои задачи, боролись, терпели поражения, размышляли над этой ситуацией, мы не употребляли слова «культура», не думали об этом, мы не знали об этом в силу нашей малограмотности, и в этом было наше преимущество.

Но: А говорили: система, политика.

Г.П.: Да, про политику говорили, про систему говорили. Но про культуру мы не говорили. Мы были малограмотными в этом плане. А теперь, когда мы прошли этот тридцатилетний путь, и я теперь возвращаюсь назад и уже в этой рефлексивной позиции рассматриваю то, что было там,

в этой нашей ситуации, сквозь призму всего дальнейшего пути и всего того, что мы поняли дальше, узнали, оформили в понятиях и категориях, в том числе и про культуру.

И теперь, когда я вынужден объяснять, что там было и как это происходит, то я, делая первый шагочек, говорю здесь (и это уже теперь моя реконструкция, и я ведь рисую эту картинку) и только так вынужден говорить, т.е. я теперь строю вроде бы идеальный объект и последовательно буду задавать ряд схем этого идеального объекта, но я это проделываю сейчас в своей мыслительной работе, поскольку я знаю все это, но полагаю туда, полагаю туда пока еще не оформленным как объект, полагаю очень странным образом, и в этом смысле вы мне можете сказать, что у меня незаконные ходы, но я это с самого начала и фиксирую, объясняя свои приемы.

Итак: у меня есть наше нынешнее осознание и все средства и формы. Я возвращаюсь к той исходной ситуации, и говорю: мы здесь, поставив такие задачи развития, сталкивались с культурой как с тем, что сопротивлялось, должно было перестраиваться и т.д., но мы тогда не знали, что это — культура.

Но: А можно представить это все наоборот — что Вы теперь сюда историю вкладываете, — а, наоборот, это поднимаете на современные представления?

Г.П.: Нет, нельзя так представить.

Тю: Я даже могу привести пример, я не знаю, насколько он годится. Но и исторически, по-видимому, осознание происходило именно таким образом. Я имею в виду середину XIX — начало XX-го столетия. Это жизнестроительство, или те воздействия цивилизованных народов, колонизация, все эти процессы, они происходили естественно, они сталкивались, там были какие-то проблемы, были какие-то преобразования; и только после они осознавались как столкновения с культурами, и то это происходило, по-видимому, в несколько более удобном случае, может быть и определившем потом некоторые недоразумения. Там были уже национальные, территориальные и всякие другие ограничения того, что потом категоризовалось как культура.

Т.е. и исторически это происходило всегда ретроспективно.

Г.П.: Толя, но здесь я бы возражал Коле Носову в другом плане. Поскольку он все-таки немножко смешал все это в духе своих схем и способов, в стиле своего мышления. Я веду сейчас онтологическую манеру мышления. Я осуществляю онтологизацию. Вы, поскольку Вы этого смысла не видите и не признаете и в наборе Ваших средств и функций этого не существует — даже если Вы думаете, что Вы это делаете, умеете делать, — на самом деле ничего этого у Вас нет. Я могу потом рассказать, почему у Вас нет и к чему это приводит: Ваша личность и способы Вашего мышления. Поскольку Вы сейчас и подстраиваете мое рассуждение под Ваши схемы. Коля говорит: это Вы сейчас представление формуете. Ведь что означают слова: «я подтягиваю туда, вверх»? Куда — вверх? В представление. Ведь в этой моей деятельностной онтологии, тут у меня наверху, — мои деятельностные представления. А я говорю: все не так, все принципиально неверно. Я сейчас веду онтологическую работу, т.е. обсуждаю существование объективное, а не свои представления. И я говорю, что представления у нас возникали дальше, когда нарисованная мною здесь, в исходном пункте, ситуация разворачивалась постепенно, и я потащу эту линию дальше: год за годом, десятилетие за десятилетием. И где-то там в разворачивании этой ситуации, в расширении ее, в заимствовании каких-то форм мировой культуры родятся наши представления о культуре, где-то здесь, в дальнейших срезах.

А я сейчас не это делаю, я ничего не подтягиваю, а строю особый тип рассуждения, особую работу провожу: коммуникативную, мыслительную, — я строю онтологическую картину. Для того, чтобы объяснить, как у нас, в нашей истории, и как вообще — в этом смысле очень верно и правильно замечание Анатолия Александровича, — я потом скажу, что с моей-то точки зрения так всюду и всегда рождались представления о культуре. И в этом смысле мы прошли еще раз в этой линии полигенеза путь, который прошли другие. Еще в *n*-й раз породив эти представления и вытащив необходимость их из нашей жизни, а не из заимствованных слов, на которых мы болтаем.

Мы занимаемся культурой, в отличие от других, поскольку мы не можем этого не делать, а не можем мы этого не делать, поскольку мы занимаемся жизнестроительством и столкнулись с культурой непосредственно. Лоб в лоб. Как бы наступая на грабли и получая за счет этого синяки. И это было реальное наше — техническое — включение, а не словесное. Больше того, я подчеркиваю ту мысль, что мы столкнулись с культурой непосредственно, получили синяки, не зная слова «культура». Вот это мне очень важно. Поэтому я не поднимаю никуда вверх, я сейчас произвожу онтологическую работу и реконструирую ситуацию.

Поскольку Вы задаете мне вопросы, как я это делаю, я перехожу в метаплан и рассказываю Вам, как я это делаю. Но одновременно кладу схему моего ретроспективного делания в онтологию, как бы расширяя эту онтологию. И говорю: внизу у нас будет идти изображение реального процесса, как у нас возникали, становились представления о культуре, — потом я скажу, что они так возникали.

Наверху, выше этой черты я буду фиксировать методы, свою ретроспекцию, говорить, как я это каждый раз делаю, как я это фиксирую. И тем самым у меня будет все время двойное знание. Знание о том, что было онтологическое как бы, и знание о том, как я это делаю, методическое, операциональное, и я их еще стыкую друг с другом и устанавливаю все время соответствие одного и другого. Это есть метод моей работы, моей разумности и критичности в оценке всех этих шагов. И метод разделения этих иллюзий наивного обывателя.

Рисуя эту схему, я преодолеваю эту обывательскую точку зрения.

Тю: А может быть, здесь замечание направлено на другое? На то, что Вы не такую онтологическую работу, говорит Коля, проводите, а проделяваете своеобразную интерпретационную работу. Имея уже заранее, в словесно-понятийной (форме) в виде образцов культуры или представление о культуре типа, например, культ. Есть система культов, культового отправления, и отсюда пошло то, что существующие процессы реальных деятельности преобразований начали подтягиваться к этому представлению о культе, и тем самым формировалось представление о культуре как объекте. Не за счет того, что Вы кладете объект...

Г.П.: Вы ушли от моей мысли, и это точно не соответствует делу.

Тю: Нет, я сейчас говорю, что он вроде бы предлагает другой ход. Ваш способ описания, как Вы работаете, и то, что говорит Коля, на мой взгляд, противоположны, и во всяком случае, в какой-то оппозиции находятся.

Г.П.: Вы уже приписываете Коле вроде бы мало осмысленную вещь. Я говорю так. Обратите внимание. Это не есть онтологическая картина культуры. Онтологическую картину культуры я еще только получу, и онтологию эту я построю, и она будет совершенно другой. Я вам рисую не онтологическую картину культуры, беря представление о культуре и что-то подтягивая. Я строю онтологию совершенно другого рода. Я строю онтологию того, как мы приходили к понятию культуры и в силу чего. И это задача новая. До того, как мы решили обсудить этот вопрос, я ее не ставил и не решал. Я сейчас, к сегодняшнему докладу и следующим за ним, я строю соответствующие представления, и не на базе культуры, а на базе совершенно других представлений, и должен описать, как мы приходили к этому. Поэтому к культуре это не имеет пока никакого отношения. Больше того, я вынужден был трансформировать понятие культуры, дабы включить его в наш генезис. И пришел к некоторым совершенно новым и удивительным для меня результатам. Поэтому в результате понятие-то культуры было тем, что я трансформировал при этом, за счет этого полагания в материал, подтягивания нового материала. Т.е. у меня не эта схема онтологическая есть реализация смысла культуры, а наоборот: это есть тот материал, — совершенно особого рода, не культурный, а исторический, групповой, — который привел меня к необходимости трансформировать наши представления о культуре. В этом смысле это, скорей, опровергающий материал, т.е. он должен рассматриваться в схемах Лакатоса как материал опровержения и трансформации.

Тю: Ответ понятен. Но вроде бы я правильно говорил. Коля действительно утверждал, в противоположность, именно, что Вы делаете другое, на самом деле. Не ту работу, о которой Вы

сейчас говорили, т.е. своеобразную ретроспективную рефлексию событий, строя новое представление, а подтягивая отдельные моменты различных событий под взятое напрокат исторически или из каких-то других: философских, метафизических представлений, понятийных представлений культуры. Фактически, производя построение онтологической картины культуры своеобразным образом, например, как это описывал В. Розин. Меняя значения, заложенные в системе терминологии, например, «культуры» или «культы». Изменяя, преобразуя разные значения, производя такую языковую работу, реконструируя, фактически, язык, Вы, тем самым, строите онтологическую картину. Но подтягивая определенные события под эти представления и строя, как говорит Розин, смыслы, целостные смыслы, связанные с этим.

Г.П.: Я еще раз повторяю, что я не могу понять осмысленности Ваших замечаний в этом контексте. Они мне в этом контексте кажутся бессмысленными. Потому что я не работаю со схемой культуры, с понятием культуры и с представлением. Если пользоваться различиями 60-х годов, я работаю с понятием о культуре. Ведь у меня схема совершенно другого рода; где у меня то, что Вы называете представлением культуры, понятием культуры?

Тю: Я это не называю представлением культуры, у Вас представление о культуре, культы и всего остального наверху будет.

Г.П.: Не будет, — говорю я.

Тю: То, что Вы говорите, что Вы делаете другую работу, я понял. Я говорю: представьте себе...

Г.П.: А зачем мне спорить с теми, кто вообще не понимает того, что я делаю?

Тю: Представьте себе, что я понимаю, что Вы делаете, и даже лучше, чем Вы сами. И говорю, что делаете Вы на самом деле то, что я говорю.

Г.П.: Я буду очень жестко Вам отвечать. Во всем том, что я сейчас рассказывал, понятие культуры не участвует вообще.

Тю: Вам так кажется.

Г.П.: Давайте аргументировать и разъяснять. Я утверждаю следующую вещь. Когда я говорю, что мы, поставив перед собой цели и задачи жизнестроительства и осознав их как развитие, столкнулись с культурой...

Тю: Да вы мало ли с чем сталкивались...

Г.П.: И это у меня так и записано, что мало ли с чем. Обратите внимание, что когда я это говорю, то я это говорю в этой метапозиции, я туда еще не попал — в онтологическую картину, и у меня в онтологической картине нет и ничего не может быть из относящегося к культуре. А поэтому мне это понятие и связанные с ним вообще не нужны здесь. В более развернутой форме я бы мог сказать, что мы здесь сталкивались с чем-то, что нам сопротивлялось, что должно было быть учтено и сознательно, целенаправленно трансформировано. И вообще не употребить слово «культура». И в скобках добавить, что потом я это покажу, что это то, о чем я сейчас сказал, было осознано нами как и культура, среди прочего. Этим я поясняю, почему я здесь об этом говорю и зачем, для дидактических целей. В моем мыслительном рассуждении, если бы я его проводил строго и мог рассчитывать на терпение слушателей и на письменный текст, я бы вообще не употреблял слово «культура», оно появилось бы там, где бы оно появилось, дальше. Поэтому рассказывать, что я здесь что-то подтягиваю под понятие «культура», бессмысленно.

Тю: Ответ понятен. Но при этом говорится: «Сказано *что-то*». «*Что-то*» — это уже нечто определенное или на нечто объективно существующее <указано>. Когда указано на что-то, указано ли на объект или на интенцию построения объекта?

Г.П.: Пока нет.

Тю: Вот Коля и говорит, что на самом деле Вы обманываете себя, когда Вы сказали: «Что-то нам сопротивлялось», — Вы проделали ту, которую Гилфорд проделал, когда сказал, что есть джи-фактор. Т.е. общий, который должен быть определен как нечто единое, целостное, объективно существующие. Это первое. Дальше. Когда Вы, говорит он, сказали, что «это я определяю как культуру, ни к какому понятию не прибегая», то он говорит, что опять Вы делаете натяжку, так как Вы прибегаете к понятию, более того, отнесли все свои представления, т.е. коннотации смысловые, к определенной конструкции смысловой, со значением.

Г.П.: На это я отвечаю. Это только свидетельство полного непонимания того, что я делаю.

Но: Да, Толя, так, может быть, я и сказал, если бы Г.П. не сказал, что у него здесь две работы: одна — дидактическая, а другая — мыслительная. И то, к чему ты относишь, это относится к дидактике, и поэтому никакого отношения к рассуждению не имеет.

Тю: Если так говорить, то тогда все переворачивается; и все возражения бессмысленны. Ради дидактических целей Вы можете делать все, что угодно, а вот показать, что Вы в мыслительном плане действительно этого не производите: соответствующих отнесений, смысловых коннотаций, связей, созначений и проч., — это уже совершенно особый вопрос.

Почему, например, Вадим Маркович возражает постоянно? Потому что он говорит: на самом деле Вы производите всю эту работу, только все время не говорите, в Ваших дидактических целях.

Г.П.: Я думаю, что никакого такого возражения у Вадима Марковича нет. Больше того, я думаю, что всего этого Вадим Маркович не знает, не понимает, и, больше того, такой схемы рассуждения вообще никогда не было. Поэтому, когда «В.М. говорит», то непонятно, по поводу чего он говорит. По поводу такой процедуры?

Тю: Конечно.

Г.П.: Я придумал ее сегодня, ее никогда не было до этого.

Тю: Значит, у меня плохое представление. Я-то считаю, что Вы нас уже десять лет учите совершать эту процедуру, класть объект до всякого определения понятий и т.д., исходя из рефлексии и ретроспективного анализа ситуации деятельности.

Г.П.: Так не объект же. Теперь посмотрите. Если Вы говорите о самой этой процедуре, которую я осуществляю, то о ней особый разговор. Вы, фактически, выдвинули мое основное возражение. Процедура ведь касается объекта, а не культуры. Это к культуре не имеет никакого отношения. Причем здесь культ и прочее? Если Вы говорите о том, что я имею интуитивные представления культа и прочее, когда я это кладу, то я говорю: естественно, а как иначе? Только к логике мышления это никакого отношения не имеет, поскольку здесь реализуется другое. Я осуществляю нормативное полагание некоего, в принципе любого объекта.

Тю: Или многих?

Г.П.: И многих вместе с тем. Любого целостного и многих разных. И поэтому к культуре это никакого отношения не имеет. Я здесь работаю по понятию объекта и по понятию процедуры этой работы.

Тю: Понятно. Вот Вадим забегаает вперед и говорит, что Вы такое производите. Это моя с ним однажды дискуссия была на его рассказе про культуру и культурологический подход. Он говорит, что вот так Вы все это делаете, но на самом деле не замечаете, что сами находитесь в тех границах...

Г.П.: Теперь я понял, о чем идет речь, но это совсем другое. Возражения Вадима Марковича, что мы находимся в культуре, я буду обсуждать дальше, и это сюда не имеет никакого отношения. Это про другое. Это проблема объемлющих, предельных онтологий. А я сейчас обсуждаю проблему специфической онтологии, и эта специфическая онтология — для этого случая, она не про культуру еще. Здесь ведь нет онтологии культуры, здесь есть онтология нашей ситуации, историческая, потом — макроисторическая ситуация. Вот онтологию чего я

рисую. А Вадим Маркович свою проблему ставит совершенно для другого. Он противопоставляет культурологическую точку зрения системоделятельностью, но на уровне объемлющих, предельных онтологий. Это сюда не имеет никакого отношения. Это возникает все дальше. А эта онтология — совсем другая. Причем, нужна мне эта онтология только для того, чтобы подчеркнуть принципиальную связь культурологии с культуротехникой. Ведь, фактически, на базе этого я утверждаю, что таким образом, поставив перед собой сначала очень конкретные задачи: реформа логики, развитие и построение методологии, развитие педагогики, психологии, — направляя свои усилия и свою деятельность на решение этих задач и особым образом осозная смысл своей деятельности, а именно — как деятельности по развитию и трансформации существующих структур деятельности, форм организации, мы тем самым попадаем в область культуротехники. И вынуждены быть культуротехниками, наряду с социотехниками, человекотехниками и т.д. Поэтому я бы мог сказать, что мы оказываемся здесь деятельными техниками, или техниками в области деятельности. И в этом — отличие нашей позиции от многих других, умозрительных. И дальше я это представление буду обсуждать, поскольку оно мне очень важно.

Значит, я говорю: еще до того, как мы что-то узнали о культуре, до того, как мы зафиксировали культуру как объект и начали вольно или невольно фиксировать моменты культурологии, мы, в силу нашей жизнеустроительной позиции, стали техниками в области деятельности, а поэтому и в силу этого неизбежно, вынуждено — и культуротехниками в том числе. И мы были культуротехниками, совсем того не зная и не имея понятия культуры.

Ма: Т.е. вы были инженерами без диплома.

Г.П.: До инженерии шагать и шагать.

Но: Говорили прозой и не знали, что это проза.

Г.П.: Нет. Мы оказались в этой деятельности.

Тю: Они были обыкновенными конкистадорами, которые не понимали, что имеют дело с племенем майя и высокой культурой организации этой жизни.

Г.П.: Вот это правильно. А что там говорили конкистадоры — это никого не интересует. Я говорю: вот была такая ситуация. Поэтому я формулирую этот тезис теперь в другой форме. О культуре как таковой становится осмысленным говорить только тогда и лишь в той мере, в какой она становится объектом технических воздействий. Мы, попав в эту ситуацию конкистадоров, сделали культуру объектом наших технических воздействий, невольно, сами того не понимая. И мы попали в такую ситуацию, где невольно культура стала объектом наших воздействий. И вот в этом я вижу осмысленность и объективную содержательность нашей ситуации, этим мы, среди прочего, отличались от многих других. Мы не начали разговаривать о культуре в умозрительной позиции, мы не ставили перед собой задачу понять, что это такое, как оно развивается и т.д., а мы оказались в ситуации, когда мы на эту культуру, как и на многое другое прочее, просто воздействовали, короче говоря, лупили по ней молотками. И ставили своей задачей лупить и переделывать. И в той мере, в какой мы это делали, нам никакая культурология была не нужна. Мы лупили по ней, не зная, по чему мы лупим, и трансформировали весь этот материал как могли, соответственно тому, как хотели. То, что нас при этом били и у нас появлялись при этом шишки, то мы считали это в порядке вещей, лепили их пластырем и шли дальше и снова лупили этими молотками.

П.Щ.: Пока — вы по «чему-то» (и дальше надо выводить по «чему») лупили. И на каком основании делается утверждение, что вы «лупили по культуре»?

Г.П.: А я и не говорю, что мы «лупили по культуре». Я говорю: мы лупили. В силу этой жизнеустроительной и реформаторской роли, которую мы приняли, взвалили на себя.

Х: Т.е. это может оказаться культура, а может оказаться и...

Г.П.: Правильно. Важно, что мы были в позиции техников.

Тю: Нужно было триста лет, чтобы осознать, что миссионеры имеют дело с культурой, прежде, чем они занимались этим в самых разных направлениях.

Наташа: А в какой точке пришло осознание культуры?

Г.П.: Вы торопитесь. Теперь я делаю сразу два хода. Я говорю, что таким образом мы на этом материале оказываемся приведенными к традиционной для нас тематике — обсуждения структуры некоторых техник, роли внутри этих техник: анализа, исследования, рефлексии, условий выделения неких объектов, в частности культуры, социальной организации, — сначала как объектов воздействия, потом — как объектов рассмотрения, связи между объектами воздействия и объектами изучения и, дальше, предметного оформления этого изучения и рассмотрения. Здесь возникает весь этот круг вопросов, касающихся генезиса техники. Сначала — смешанной техники, комплексной, скажем, социо-культуро-личностной техники, но не в Вашем смысле, как на свою личность направленную, а как на другие, чужие личности. Или могу сказать, что — социо-культуро-человекотехники. И мы оказываемся перед кругом вопросов, как это все здесь меняется. Я пытался вчера вечером и сегодня под утро расписать все эти планы. И насчитал примерно 12-13 стандартных форм отношений, которые здесь возникают.

Я не буду их сейчас обсуждать, это особая, очень интересная тема, но мне важно зафиксировать, что для меня культурология всегда должна существовать и существует в теснейшей связи с культуротехникой. Причем, эта связь носит многоплановый характер. С одной стороны, эта связь реализуется как связь между объектом технических воздействий и объектом изучения. С другой стороны, она реализуется на уровне предметной организации. Поскольку я бы мог сказать, что культура как объект культурологических исследований задается, с одной стороны, характером культуротехники и объекта культуротехники, а с другой стороны — характером предметных структур и предметного оформления. И таким образом тут реализуется, в этом последнем, деятельностная связь, например, связь между культуротехникой как таковой, или техникой — этой комплексной — как таковой, и культурологическими и комплекснологическими, общественными, социальными исследованиями. А с другой стороны, сам предмет каким-то образом снимает в себе все это. Я бы здесь мог нарисовать такую схему (Рис. 3): начиная от схемы чистой техники (а), в которой эта компонента отношения к объекту потом снимается в особой позиции культуролога как рефлексирующего культуротехника или просто техника, и дальше.

Начиная от такой схемы, дальше к схеме (б), когда культуротехника как таковая становится предметом рефлексивного анализа и описания со стороны культуротехника. Дальше, к схеме (в), когда, практически, начинается предметное оформление и культуротехника как таковая входит в связь с культурологией как предметной организацией. И существуют определенные связи между этими деятельностями.

Тю: Т.е. это могут быть разные отношения, не обязательно рефлексивного замыкания.

Г.П.: Именно, это очень важно. Там 12-14 принципиально разных отношений между этой культурологией, или культурологическим в разных его формах, и культуротехническим.

в)

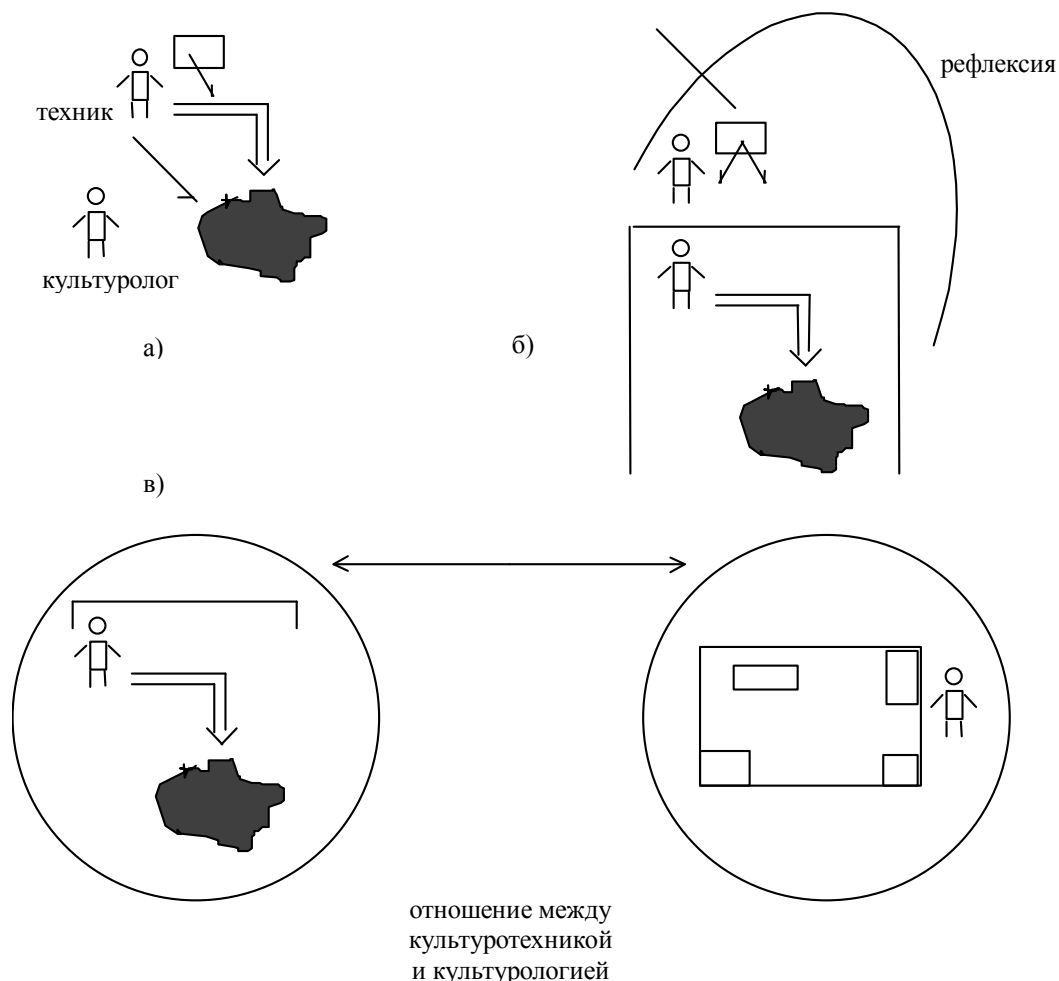

Рис. 3

Громыко Ю.: Поясните, пожалуйста, еще раз вторую схему.

Г.П.: На второй схеме я зафиксировал очень важный для нас шаг, хотя и банальный одновременно, что культурология есть не что иное, как рефлексия культуротехники как деятельности особого рода. А вот следующая схема — это когда культурология уже обособилась, отделилась, автономизировалась и существует в своем особом предмете.

Тю: Может быть, наверное, и обратное включение культурологии в рамки культуротехники?

Г.П.: Нет, обратного не может быть.

Тю: На уровне обслуживания.

Г.П.: Почему же обратное? Это возврат назад, к исходному отношению.

Тю: Нет, здесь же у Вас рефлексивное отношение задано. И представим себе, что уже предметная связка.

Г.П.: Тогда возникает проблема комплексной организации научных предметов: культурологии, социологии, человекологии — в рамках обслуживания техники, комплексной или частичной. Возникает проблема, скажем, связи культурологии, социологии и прочего на уровне единой онтологической картины, т.е. системного подхода. Это другой план. Мы это рассматривали на Совещании по организационно-деятельностному подходу в психологии спорта.

Здесь имеется 12 или 14 очень сложных отношений, которые все должны быть разыграны. И они каждый раз определяют — именно этим задается каждый раз — объект культурологии. Каждое из этих отношений дает объекту культурологии ту или иную специфическую форму его существования. И, Павлик, отвечая на Ваше замечание, в одних из них будут предметные

формы организации культурологии, а в других — этих предметных форм организации культурологии не будет, и они не нужны и не должны быть.

Тю: Интересно было бы расписать все эти отношения и ответить на вопросы: где нужны, где не нужны? И не только для рефлексивной работы, но и для критической работы.

Г.П.: Очень интересно. Обязательно и необходимо. Поэтому я здесь об этом и говорю.

Следующее здесь замечание и важный кусочек. Я продолжаю отвечать на замечание Павлика. При этом действительно оказывается, что парадигма предметной организации культурологии довлеет над всем и распространяется как нормативное требование даже на те стадии развития культурологии, которые являются заведомо допредметными.

Иначе говоря, для того, чтобы оформилась предметная культурология, или предметная организация культурологии, нужен целый ряд специфических условий. Эти условия сегодня в принципе не выполнены.

И тем не менее, в культурологии господствует подход, требующий предметного оформления культурологии. Хотя этих условий нет. И это требование, как нормативное, предметного оформления культурологии приводит к тому, что начинают искусственно создавать псевдоструктуры предметной организации культурологии, хотя для этого нет ни материала, ни оснований, ни средств, ничего. А надо было бы строить эти другие, более простые, скажем, допредметные формы организации культурологии. Поэтому, Павлик, это требование — обязательной должна быть предметная организация или необязательной, — я не только становлюсь на сторону тезиса «необязательно», но говорю, что во многих случаях неверно, неправильно, грубо, ошибочно стремиться к предметному оформлению культурологии. Есть масса ситуаций, в которых она по своим отношениям с культуротехникой или с техникой вообще (и это, кстати, тоже существенно — какая там техника)... А здесь есть еще вторичные, очень сложные отношения.

Например, техника является, в основном, социотехникой, а требуется обеспечение ее культурологическими представлениями. Техника является человекотехникой, а требуется обеспечение ее культурологическими представлениями. Т.е. здесь есть не только отношение «культуротехника-культурология», но есть комплексные техники, человекотехника, социотехника, и все — в отношении к культурологии, к той или иной форме ее. И этим точно так же будут определяться формы этой культурологии, причем, как очень правильно заметил Анатолий Александрович, именно это очень важно видеть, знать и понимать в плане критики существующих подходов и направлений. Т.е. у них, как правило, нет одноименности связываемых отношений, а есть разноименные планы, и на этом играют все современные направления.

Но: Или задают чужой объект.

Г.П.: Чужой объект они вводят...

Тю: Объекта не получится все равно.

Г.П.: Ну да! Что значит «задавать чужой объект»? Это значит не задавать своего.

Но: Зато связи точные.

Тю: Это непонятно. Можно проследить, наверное, более или менее осмысленные связи. Например, по-видимому, в технике действия появились представления о культурных способностях как особое культурологическое представление о способностях и о равновозможных способностях. Там было заявлено представление о мыслительных возможностях или, в этом смысле, об интеллектуальных способностях относительно определенной технической задачи. Объект культурологического описания был приведен в соответствие с той или иной технической задачей. Таких ситуаций, наверное, можно набрать, хотя они все будут частные и поэтому не будут иметь отношения к, вообще, построению объекта. Но то, о чем Вы говорите, представит трудность. Т.е. что значит, что в одной технике Вы берете объект технического воздействия. Строите описание других предметов.

Но: Я сначала рассматриваю культуру и общество как среды...

Г.П.: Есть такие. Я Вам буду приводить эти примеры, они удивительны по своей неразумности, эти ходы.

Но: Толя, а Вы видели отношения только технические? Были там более сложные отношения? В том направлении, в котором Вы говорили.

Тю: Я просто беру ситуацию, когда техническая задача, та или иная социотехническая ситуация строит совершенно определенную и направленную связь по отношению к описанию, т.е. предметного построения. Т.е. можно найти какие-то регулярные связи, отношения, где объект исследования задавался за счет выделения объекта воздействия.

П.Щ.: Это будет особое включение соответствующей культурологической позиции или исследовательской, в более широком смысле, в техническую. Может быть наоборот. В предмете культурологии может возникнуть своя культуротехника или своя инженерия даже, основанная на соответствующих онтологических представлениях и т.д.

Тю: Например, первая ситуация, о которой говорил Г.П. По-видимому, работы Штернберга можно рассматривать как попытки построить такой рефлексивный выход. Вроде задачи-то были технические, и довольно определенные, колонизационные, а культурологическое построение строилось из рефлексии этих задач по управлению.

Но: Задач или уже осуществленных воздействий?

Тю: Нет, построение культурологического предмета, т.е. описание, когда появляются так называемые национальное, племенное мышление, все эти представления о культуре.

П.Щ.: Нет, он не это спрашивает: из рефлексии задач или из рефлексии опыта работы в этом направлении? Потому что это будут разные построения.

Тю: Я бы не мог здесь так сказать. Скорее, всей деятельности, по-видимому, не очень расчлененной из рефлексии задач или — воздействий.

Г.П.: А я бы сказал, что весь ваш разговор — бессмысленный. С момента Вашего замечания, Коля. И через один пункт я это постараюсь показать. Я, фактически, утверждаю следующее. Никакая культуротехника, даже если она чистая культуротехника, со своими выделенными объектами, не может помочь в выделении культуры как объекта культурологии. Нет и не может быть такого перехода ни при каких условиях, поэтому весь этот вопрос об отношениях между ними вы обсуждаете абсолютно напрасно. Еще раз повторяю. Никакая культуротехника, как бы рафинировано она ни была оформлена, не может привести к выделению культуры как целого, как объекта культурологии. В принципе. Не может и не поможет. Но это я забегаю...

Тю: А мы не это обсуждаем, мы обсуждаем связи.

Г.П.: А что вы обсуждаете, какие связи?

Тю: На содержательном уровне.

Г.П.: На бессодержательном уровне. И понятно почему.

П.Щ.: На исторически содержательном.

Г.П.: Так он как смысловой.

П.Щ.: Как имевший место.

Г.П.: Что — имевший место? Я утверждаю, что нигде не имело место и не могло иметь никакого места, потому, что то, о чем вы говорите, — этого не может быть никогда. Не может быть по смыслу дела. И это невероятно интересно, что вы затеяли это обсуждение. И я понимаю, что вы имеете в виду.

Тю: Я понял, на что направлено Ваше замечание.

П.Щ.: И я тоже.

Но: Это самореклама в пункте через один.

Г.П.: Мне важно, что это записано. А как Вы будете это квалифицировать... Давайте еще раз вернемся к тому, что говорил я, к тому, что говорили вы, и что мне важно для дальнейшего.

Ве: Может быть, дальше двинемся?

Г.П.: Нет. Дальше мы двинуться не можем. Все мои дальнейшие тезисы направлены против того, что вы обсуждали. Итак, что я утверждал и какой вопрос ставил?

Для меня представляется крайне важным то, что у нас с самого начала была техническая позиция. Для того, чтобы реконструировать все это в развитии той схемы, которая была нарисована до этого (эта схема с исходной ситуацией и ее разворачивание), для того, чтобы ее в ретроспективном анализе рассказа сейчас пояснить, я должен иметь некоторое теоретическое средство. Чтобы разобраться в том, что же у нас происходило. И таким средством является представление о взаимоотношениях между культуротехникой и культурологией. При этом я выявляю 12 или 14 отношений между культуротехникой и культурологией, более правильно — между техниками разного рода, например, комплексными техниками, социотехниками, человекотехниками, культуротехниками. И в этом смысле я говорю: сама техника должна выделяться, дифференцироваться, постепенно выделяя свои объекты: культуротехнические, социотехнические, человекотехнические, наукотехнические, языкотехнические, мыслетехнические и т.д. Там огромное количество этих технических объектов. Но, перемежая через запятую культуротехнические, наукотехнические, мыслетехнические, я ставлю здесь в один ряд все разные, несопоставимые и неклассифицируемые по единым основаниям и не типологизируемые явления. Потому что, скажем, мыслетехническое я могу как культуротехническое, но само по себе; оно, будучи мыслетехническим, является техническим, но еще непонятно — культуротехническим или нет; оно может быть туда отнесено, может быть не отнесено.

Возникает масса техник. И я говорю: осмысленная культурология всегда должна быть детерминирована тем или иным из отношений между культурологией и культуротехникой. Но каково это отношение, и что там происходит? И я говорю: есть там очень сложная проблема о взаимоотношениях и связях между объектами техники, в том числе культуротехники, и объектом культурологии. Эта связь очень сложная. Ее я дальше буду обсуждать. И наверняка в какой-то мере объект культурологии задается объектами этих техник. Но это только один из многих факторов. И каким образом задается, я еще вообще пока не обсуждал. Поэтому я бы мог скорее сказать, что на объект культурологии влияют объекты техник разного рода, в том числе и культуротехника. Но каким образом влияют, опять остается вопрос открытым. И говорю: это во многом зависит от того, какова связь между культурологом и техником, тем, какой это техник. И вот я намечаю 12 или 14 разных типов связей между возможным культурологом и техниками, но в данном случае одним техником, предположим, культуротехником или комплексным техником. Связи эти очень сложные, но определяются — все это, культурология — строительством культурологического предмета. И «допредмета». Тем, какого типа будет этот предмет.

X1: А может быть, объект культурологии и объект культуротехники не совпадают?

Г.П.: Правильно, они не только не совпадают, но ничего общего между собой не имеют и иметь не могут. И основной тезис мой состоит в том, что сколько бы у нас ни было рафинированных культуротехник — из этого объект культурологии не получается и получиться не может.

Но: ...

Г.П.: Отлично, что Вы это фиксируете, но я утверждаю другое. Весь Ваш разговор возникает из предположения, что такая связь и даже прямое соответствие есть.

Тю: Совсем нет. Мы обсуждали связи между культуротехниками и культурологией. Связи.

Г.П.: Объектов.

П.Щ.: Нет.

Тю: Связи, о которых Вы только что сказали. Мы совсем не обсуждали вопрос о том, что любая культуротехника, задающая объект культуротехники, может детерминировать появление объекта культурологии. Мы говорили: связь у них есть. Какие-то сложные связи, влияют они друг на друга, не влияют. А то, что они детерминируют, не обсуждали. Даже ни одного слова не было сказано, что эти объекты как-то похожи друг на друга или совпадают.

Г.П.: Отлично. Я приношу тогда свои извинения вам и говорю, что это прекрасно. Хорошо, что текст записан. Он, правда, был маловразумительным. И заранее приношу вам свои извинения, если я вас искажил или обругал.

И при этом может быть, как особая, позиция, когда культуролог противостоит любой технике и культуротехнике в том числе, и выступает как внешний созерцатель и познаватель по отношению к техникам любого рода, в том числе культуротехникам и ее последствиям. Это одна из тоже стандартных, исторически зафиксированных позиций, причем, очень важная для понимания всей ситуации социокультурной, в которой формируется культурология.

Например, в США, в Австралии, для всех миссионеров, как очень красиво выразился Анатолий Александрович (Тюков). Миссионеры в течение трехсот лет ломали и крушили культуру аборигенов в Австралии, Южной Америке, на Филиппинах, в Азии прежде, чем додумались до того, что они имеют дело с культурой. Причем, многие из этих миссионеров заплатили за это своей жизнью. Ну, например. На острове Фиджи один из прославившихся там очень настойчивых миссионеров никогда не мог знать о том, что... Он подарил очень красивый гребешок вождю племени, и вождь племени никак не мог вдеть его в свою голову. И тогда он подошел к вождю, поправил и надел. Действие очень естественное и нормальное. Но он не знал и никогда не мог предположить, что это действие будет стоить ему жизни, так как его съедят живьем каннибалы соседней деревни, поскольку трогать вождя племени за волосы — это знак предельного неуважения по культуре этих племен.

Но: Почему соседнего племени?

Г.П.: Поскольку он был объявлен другом вождя, то вождь его сам убить не мог, его могли убить только те, другие. Поэтому этот вождь послал гонца туда, чтобы они убили миссионера и обещал им за это стадо свиней, но убить сам и вообще в районе этой деревни и этого племени он не мог. И если бы миссионер дальше жил все время в пределах этого племени, он бы остался жив. Но миссионер ничего этого не знал. Поэтому он отправился в поход в следующую деревню с тем, чтобы обратить ее в христианство, и там был убит и съеден. Это было одно из проявлений их культуры, но предполагать этого он не мог.

Точно так же, как сейчас пишет В.Я. Дубровский. Он, например, сейчас чувствует себя очень дискомфортно, поскольку он привык смотреть в глаза американцам, с которыми разговаривает. А в Америке смотреть в глаза собеседнику — знак высшего неприличия. Поэтому они чувствуют себя невероятно дискомфортно в этом поле, и все время стремятся выйти, и даже есть тенденция не встречаться с ним, поскольку он любит смотреть прямо в глаза. Он очень поздно понял, что нарушает этим самым американскую культуру, уже попортив отношения с половиной своих сотрудников и коллег. Это все есть такие интересные проявления культуры, но возможна позиция посмотреть на это со стороны, т.е. ставить перед собой задачи на жизнестроительство, на чем я все время настаивал. Есть такая проблема взгляда со стороны на воздействие других на эту культуру, и, в этом смысле, сейчас в нашей стране эта позиция очень распространена. Поскольку сейчас мы подошли к вопросу о последствиях Октябрьской революции для русской и других культур. И рассматриваем влияние Октябрьской революции на развитие русской культуры и обсуждаем это. Не в том плане, как говорят другие.

Файнбург, например, прямо говорит, что ему надо развивать социалистическую культуру, и поэтому он прямо причисляет себя к культуротехнике, которую он вписывает в социотехнику, или особым образом связывает. Но есть масса других людей, которые перед собой непосредственно культуротехнических и даже социотехнических задач не ставят, а хотят понять, выяснить, описать, как повлияла Октябрьская революция и вся социальная перестройка в нашей стране на жизнь и развитие культуры. Например, Вадим Маркович (Розин) стоит на этой точке зрения, как и многие другие — Иванов, Топоров, Лотман.

Кстати, почитайте интересный рассказ К. Булычева в журнале «Знание — сила», он называется «Перевал». Это один из первых у нас сознательных рассказов о роли культуры при социализме, описание того, что произошло. И — попыток поддержать культуру, восстановить культуру, вернуться в старую культуру, бороться с новой, складывающейся культурой, определенной условиями социальной и природной адаптации к лесу и т.д., появление новых типов. Надо сказать, что К. Булычев весьма поднялся над собой в этой новой вещи.

И это интересно.

(Х1: Эта вещь достаточно пессимистична.

Г.П.: Она еще не кончилась.

<Эти строчки вычеркнуты рукой Г.П. >

Итак, возможно в этом случае. И тогда мы можем говорить об умозрительном характере этого исследования. И возможна такая позиция, которая должна быть очень четко фиксирована.

Тю: А обязательно должно существовать представление, взгляд на преобразование, во всяком случае на последствия, на саму ситуацию жизнестроительства или какого-то культуротехнического действия? Или же эта умозрительная точка зрения может вообще поставить задачу или интенцию рассмотреть культуру как таковую вне процессов преобразования, изменения?

Ма: А разве она может быть зафиксирована вне процессов?

Г.П.: Может быть. Меня этот вопрос вполне устраивает, и я на него отвечу. Чисто умозрительная точка зрения есть, но ее я с самого начала квалифицировал как бессмысленную. Она ни к чему привести не может, и это, на мой взгляд, выражение предельного распада — мыслительного, культурного. Я эту точку зрения вообще не считаю нужным рассматривать. Больше того, с авторами, которые стоят на этой точке зрения, я так и буду дальше расправляться. Я буду говорить: ну, это оболтус законченный, и он меня не интересует.

Тю: Но оболтусов таких много получается.

Г.П.: Много, но они меня тем более не интересуют. А вот в данном случае я рассматривал этот пунктик потому, что вроде бы есть среди умозрительных позиций позиция осмысленная, где уже нельзя сказать про человека, что он оболтус, хотя она предельная. Она и есть, по сути дела, предельная, за границами ее начинается бессмысленность.

Это случай, когда момент развития фиксируется, перестройки культуры, вообще формы организации деятельности, причем, то ли в естественно-историческом процессе, либо в техническом процессе, искусственно-естественном. Но собственная позиция остается как бы внешней, и тогда совершенно особым образом задается представление о культуре. Это то, о чем Носов начал говорить, а именно, когда культура рассматривается в окружении как бы природной среды. При таком заходе возможна такая точка зрения.

Ве: Это Швейцеровская точка зрения.

Но: Об этом еще Аристотель говорил.

Г.П.: По сути дела, да. Когда его оболтусы современные трактуют, то Аристотель выступает как начавший говорить об этом. Хотя у него ни понятия культуры не могло быть и не было. И вообще все это абсолютный нонсенс. Это и есть реализация этой умозрительной точки зрения, фактически — запредельной. А эта точка зрения мне-то кажется — как предельная — осмысленной. И там даже появляются такие удивительные, на первый взгляд, несуразные вещи, как, например, отношение культуры и природы. Вот такая несовместимость. Но это берется на уровне исторического процесса. Строится двойная онтология.

Ве: Но там может, скажем, появляться как индивид или, по понятию, человек, вообще, как культурное образование, в оппозиции природному.

Г.П.: Я понимаю, о чем Вы говорите, но это уже различие на более тонком уровне, нежели то, которое я сейчас обсуждаю, и я пока его не трогаю. В частности, книга Давидовича-Жданова, по-видимому, таким образом построена, но там есть масса интересных сложностей.

Мне сейчас важно просто зафиксировать это особое отношение между культурологическими и культуротехническими, или социотехническими, просто техническими позициями. Когда связь состоит в том, что культуролог находится в оппозиции ко всякой культуротехнике и технике всякого рода, но он ее фиксирует как факт, при этом, поскольку он не включен внутрь нее, и эта техника не есть для него естественная рамка и условия его деятельности и его — как культуролога — существования, он как бы выходит за пределы и он строить вынужден онтологическую картину совершенно другого типа. Где, скажем, когда они говорят, что условием существования культуры является деятельность, или универсум деятельности, но этот универсум деятельности они помещают, скажем, в универсум природы, рассматривают взаимодействие между природой и деятельностью, деятельностью и природой, ну, скажем, как адаптацию к природе или как ассимиляцию природы, и при этом ставят вопрос о культуре как обеспечивающей это отношение между деятельностью и природой. И эта точка зрения занята сама по себе. Больше того, я выделяю эту точку зрения, именно она и приводит ко всем псевдо-онтологическим фиксациям культуры как таковой. Я бы даже рискнул сказать, что онтологические построения начинаются именно в этой позиции. Это та единственная позиция, которая выводит нас на представление о культуре в целом, хотя она и является ложной.

Тю: А межкультурные исследования Вы тоже отнесете к таким предельным представлениям? Когда культуры начинают строиться на оппозициях культур. Это же тоже своеобразный способ включения, универсум задается за счет взаимодействия и взаимосвязи.

Г.П.: Эти все случаи относятся сюда, с той только разницей, что там не единый универсум деятельности, а много деятельностей.

Тю: Но там момент культуротехнического опять опускается.

Г.П.: Да, поэтому это сюда же. Поэтому этот случай очень занятен, очень интересен.

И теперь я утверждаю, что как бы ни формировался объект техники (комплексной техники, культуротехники), представления о нем ничего не дают и ничего не могут дать для представления культуры как целого, т.е. для культурологического представления. Все подобные техники ставят, по сути дела, вопрос о единицах культуры, о системах культуры как единицах. Но для решения вопроса о единице нужна уже даже не только методологическая, но и собственно теоретическая точка зрения. И это то, чего в современной культурологии просто нет. Т.е. современная культурология не дошла до обсуждения вопроса о единицах. А не дошла потому, что и не могла дойти, поскольку у нее нет онтологического представления культуры.

Короче говоря, культуротехника, если ее рассматривать с точки зрения культурологии, никогда не имеет и не может иметь дело с культурой в целом, она имеет дело с теми или иными единицами культуры. Только единицы культуры, причем, скорее даже материал этих единиц, потому что я этот тезис буду поправлять потом, я сейчас говорю очень грубо, чтобы зафиксировать этот негативный тезис, но мне приходится как-то определять то, с чем имеет дело культуротехника в терминах культурологии. И за счет этого я как бы делаю очень далекий обратный шаг назад и в принципе неверно, без всех промежуточных звеньев характеризую все это. И я бы мог сказать так: и никакие объекты культуротехники не дают представления о культуре как таковой, и не могут породить и задать объект культурологии.

Ну и что? Как это нас продвигает? Я теперь поясню смысл дела и говорю: дальше, когда культурология сложится, то она будет обозначать то, с чем имеют дело техники того или иного рода, как (с натяжкой) особые единицы культуры. Но это дальше все начнется. Значит, я что говорю? Объекты техник разного рода, культуротехник в том числе, работают не на онтологические представления о культуре, а на онтологические представления об отдельных единицах культуры, и так и должны работать. Но никаких представлений о единицах культуры не может появиться до тех пор, пока нет общего онтологического представления о культуре в целом.

Тю: А это утверждение Вы относите ко всем вообще техническим образованиям?

Г.П.: Практически — да, ко всем.

Тю: Но, простите за такую грубую ассоциацию, но таким образом получается, что принцип или доктрина — лечить болезни, а не больного, — у Вас выходит... Техника никогда, оказывается, не может быть направлена на больного как на целое. А доктрина у нас есть: лечить больного, а не болезнь.

Г.П.: Конечно, и доктрина эта ошибочная. Для этого нужна другая техника. Но, кстати, американцы без доктрины лечат. Больных, а не болезни. Во всяком случае, могут это делать за счет другой организации. А наш лозунг «лечить больного, а не болезни» появляется как идеологическое восполнение принципиальной невозможности — при нашей системе медицины — лечить больных.

Тю: Но ведь указание на то, что кто-то это делает, уже означает, для меня, что возможна техника, которая направлена не на единицы, а на целое.

Г.П.: А она не техника.

Ма: Непонятно, что здесь целое. Почему ‘человек’ целое, а не ‘популяция’, почему не сама болезнь.

Г.П.: Никакого отношения это не имеет, только на единицы. Техника направлена только на единицы и никак иначе не может быть. В частности, такой единицей может стать весь земной шарик, но это не меняет сути дела. Ведь мой тезис немножко в другом, и Вы неправильно его перестраиваете.

Тю: Я действительно его неправильно перестраиваю. Тогда я задам вопрос иначе. Я не очень понял отношение между единицами, которые будут строиться в культурологии, т.е. в онтологии, и единицами техники.

Г.П.: Не единицы — объекты техники. Да. Это отношение очень сложно, я его пока не обсуждаю. Я лишь намекаю, как я дальше вернусь к техникам. Но мне важно зафиксировать этот разрыв. И я говорю: всякие попытки перейти от техник разного рода, в том числе и от культуротехник, в культурологию приводят к тому, что отдельные единицы культуры объявляются культурой в целом. Или приводят к тому, что то, что должно было бы трактоваться, в лучшем случае, при правильной постановке, как единицы культуры, объявляется культурой в целом. Нет, говорю я, этих переходов и не может быть: от техник разного рода, в том числе культуротехник, к объекту культурологии, к объекту исследования, научного, квазинаучного рассмотрения. Этот путь лежит только через онтологическую работу особого рода, и этот разрыв и должен быть преодолен за счет онтологической работы особого рода, за счет задания культуры как объекта изучения. Чего, говорю я, не смогла сделать современная культурология.

Тю: А имею ли я право трактовать Ваши утверждения так, что, фактически, отношения между объектом воздействия в технике и единицей в онтологии — это отношения своеобразного включения? То, что у меня задано в онтологии как целое, представлено как система взаимодействующих, связанных и т.д. единиц или элементов, и они будут распадаться как бы на отдельные элементы техники. Могут ли я построить такие отношения?

Г.П.: Нет, не можете. Вы должны уметь это сделать. Когда мы всю работу проделаем правильно, тогда объекты и предметы техник разного рода, в том числе культуротехник, будут соответствовать единицам культурологической картины. Не культуре, а единицам культуры.

Тю: Воздействие в культуротехнике должно будет определяться строением культуры как целого?

Г.П.: Все зависит от того, как у Вас все это будет организовано. В зависимости от того, как: методологически, научно или технически, — у вас каждый раз будут те или иные, разные, обратные отношения, или обратные связи между культурологией и техниками разного рода. И

какими будут эти связи и отношения, зависит от того, как организовано все целое. Методологически, научно или еще как-то.

Тю: Т.е., фактически, Вы строите своеобразную проектную задачу. Мы должны так построить объекты техник в будущем, чтобы они были взаимосвязаны, связаны или как-то соотнесены в онтологии культурологии, целого. И только это обеспечит, например, разумность действий.

Г.П.: Я не говорю, что только это. Наоборот, я говорю: это — один вариант. Вторым вариантом — комплексной организации культуротехники разных предметов. Ведь Вы же еще не обсуждаете вопросы, которые я уже наметил. Например, культурология и социология, человекология, антропология, что то же самое, и т.д. Весь вопрос в том, как Вы теперь соорганизуете весь мир технических деятельности с миром исследовательских деятельности, какие связи Вы туда наложите. И у Вас будут одни или другие переходы.

Тю: Я как раз этот вопрос обсуждаю. И говорю: вообще ведь может оказаться ситуация, когда нет такого, о чем Вы говорите: насчет единиц и выделения по единицам объекта воздействия.

Г.П.: Простите, как это нет, когда я говорю: и если Вы хотите обеспечить эту связь, то Вы должны вводить понятие единицы. И больше того. Я говорю: понятие единицы исторически возникло и появилось именно для обеспечения этой связи: связи между -логией, которая у Вас есть в этот момент, и техникой, которая у Вас есть, и достигается это за счет особой организации экспериментатики, экспериментальной части, но не только экспериментальной части, а и других. Все зависит от того, как Вы дальше построите. Но меня сейчас интересует... По моим пунктам сейчас меня интересует это движение от техник к культурологии.

Тю: Вы можете свои извинения в тот раз снять. Я действительно утверждал тогда, что для меня существует зависимость при построении единиц, т.е. соответствующей -логии и онтологии объекта, в зависимости от того или иного выделения объекта, способа выделения объекта техники.

Г.П.: Я Вас так и понял.

Тю: Таким образом, у Вас получается, что независимое движение техник, выделение объектов техники — совсем другое построение онтологии, и в этом смысле -логии, там, предположим, из предметных, философских, категориальных оснований, и только после этого — задача на отношение и связь того и другого.

П.Щ.: И даже тезис более широкий: на построение новых техник и соответствие их.

Тю: Совершенно верно, перестройка техник.

Г.П.: И, кстати, тогда для меня впервые появляется инженерия, потому что я различаю технику и инженерию. Техника — это до-логическая стадия, а инженерия — как результат такой перестройки. И тогда появляется инженерия культуры, инженерия социальная, инженерия антропологическая и т.д. Когда Вы вернулись назад и произвели полную перестройку. Апеллируя к истории естественных наук, я утверждаю, что с этим и была связана инженерия, с этим возвратом назад. С этого момента она в истории человечества и возникает как таковая, после такого возврата, в отличие от техник, которые предшествовали развитию наук.

Тю: Но при этом без генетической связи того и другого.

Г.П.: И при этом с нарушаемой генетической связью. Потому что тезис у меня здесь жестко может быть сформулирован так. До тех пор, пока Вы стремитесь сохранить генетическую связь и стремитесь построить онтологию культурологии, скажем, с учетом этих объектов и предметов культуротехник и всяких других техник, до тех пор ничего у Вас с культурологией не выйдет, Вы ее не сможете сделать и ее построить принципиально, поэтому все эти установки есть обскурантизм и попытка держать развитие техник на техническом, а не инженерном уровне.

Тю: Интересное утверждение. Потому что получается, что терапия развивалась именно по пути техник и построения объектов, онтологий из техник. И все время стоит идеологически на этой позиции.

Г.П.: Правильно. И инженерная психология стоит на этом. И мне грустно и трагически, что даже Виталий Яковлевич (Дубровский) со Львом Петровичем (Щедровицким) и Анатолием Альфредовичем (Пископелем) тоже стоят на этой же позиции. Что они и продемонстрировали в своей последней статье по поводу организационного подхода. И обнаруживается полное непонимание этой стороны дела.

Тю: Но тогда непонятно, почему так уж в оппозиции... Вроде бы многие Ваши представления находятся с представлениями того же Кедрова относительно роли фундаментальных философских наук при построении онтологии частных наук. Он тоже, вроде бы, исходит из того, что техника техникой, но дело к этому не имеет никакого отношения. Это мы потом построим философские основания наук, поскольку философия задает общие категории.

Г.П.: Вот здесь мы расходимся. Поскольку я ему говорю, что категорий мало, и Ваших философских пониманий явно недостаточно. И Вашей ориентации на фундаментальные науки. И я выдвигаю против этой позиции тезис, что прикладная дисциплина есть объемлющая система для фундаментальной.

Теперь я должен вернуться назад и произвести следующее рефлексивное выделение. Ведь для него-то что происходит? Он вроде бы сформулировал тот тезис, который Вы привели. Но теперь его возврат назад от фундаментальных наук к техникам есть процедура возврата назад к техникам. А для меня это — вперед, к инженерии, — а именно, выход в следующую рефлексивную, объемлющую систему, построение структуры инженерии и рассмотрение фундаментальных наук уже в совершенно новом качестве. А именно: не как задающих основание и конституирующих прикладные науки, а как функционального элемента прикладной науки. У меня фундаментальная наука есть функциональный блок прикладной науки.

Вот есть техника, со всеми ее объектами и предметами, вот есть движение к фундаментальной дисциплине. Потом, для Кедрова, есть возврат назад и строительство новой, такой же «техники штрих» (T'). Обоснованной (Рис. 4).

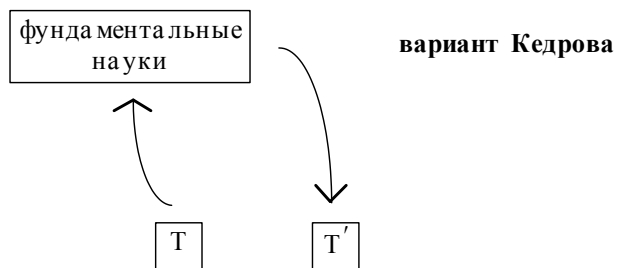

Рис. 4

Но для меня движение идет вот какое (Рис. 5). Есть техника, есть -логия — это исследование, т.е. объемлющая рефлексивная система. И затем — следующее движение — инженерия.

Следующая объемлющая система. И все время движение идет вот так.

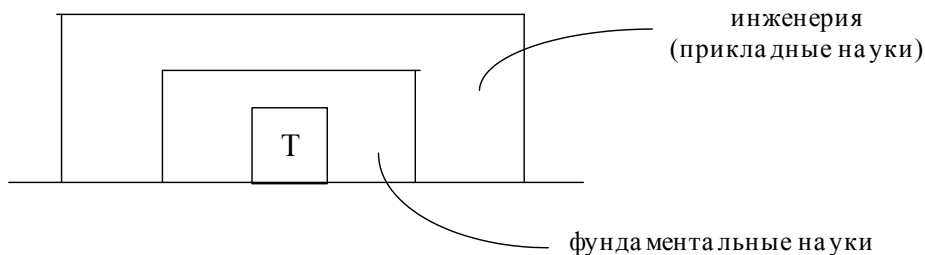

Рис. 5

Ма: А где прикладная наука?

Г.П.: Вот это для меня прикладная наука. Для меня инженерия и есть прикладная наука. И каждый раз появляются структуры более мощного порядка. И фундаментальная наука теперь начинает изменяться, трансформироваться как функциональный элемент прикладной науки, а не сама по себе.

Тю: При данном схематизме ведь заданы только рефлексивные отношения, а не конструирование.

Г.П.: Но оно у меня является ведущим, и все конструктивные отношения, и организационные, должны быть подчинены ему. И все время движение от следующего целого и его элементов.

Тю: Тогда я опять не понимаю. Итак, все-таки, объект и онтология фундаментальны, скажем, этой -логии? Она, все-таки, строится в рефлексивном отношении к технике или это автономное построение?

Г.П.: Строится. В рефлексивном отношении к технике. Но теперь возникает вопрос: что такое рефлексивное отношение?

И дальше-то я должен, сначала на примере, а потом на обобщении, рассказывать, как же вводилась онтология культуры. Как это делалось. И как это, вроде бы, и в рефлексии происходило, и, с другой стороны, не имело никакого отношения к техникам. И пользоваться здесь я буду приемом, который мы отработали в **Игре-3**, теперь уже как объясняющим, хотя известно-то это было давно, и рассказывал я это тоже давно, но теперь я могу объяснять это уже технологически, как этот отрыв происходил.

Тю: Сейчас Вы объясните, что такое рефлексивная связь, которая не является связью.

Г.П.: Нет, я не буду этого объяснять, я покажу на примере, как это происходит и что.

Ма: Не связь, а отношения.

Г.П.: А рефлексия — очень странная вещь. Я до сих пор не могу получить ответ на вопрос: связь это или отношение. Это очень сложно, это — и то и другое.

Ма: Замечание к этим единицам. Можно ли видеть смысл системодетальностного подхода в том, что он эти единицы представляет, с одной стороны, как функциональные структуры в онтологиях, а с другой стороны, — как материал, который вырабатывается в техниках? Собственно, это морфологические образования. Это единицы, которые существуют именно на полюсе между техникой, с одной стороны, и -логией, в том числе культурологией.

Г.П.: Интересная точка зрения. Но это далеко от темы моего обсуждения. Мне не хочется забегать вперед.

Тю: Зинченко недавно пытался это обсуждать на методологическом семинаре у Давыдова. Но, правда, без всех этих заходов, что это за связь.

Г.П.: Щукин обсуждал это в своем дипломе.

П.Щ.: Вопрос к пункту в целом. Что ты в этом пункте делаешь?

Г.П.: Я устанавливаю некоторые системодетальные связи и отношения, детерминирующие характер культурологии. Я утверждаю, что если мы хотим разумно, целенаправленно и сознательно строить культурологию, то мы должны постоянно иметь в виду все эти связи культурологии с техниками разного рода, и не только с культуротехникой. Мы должны, фактически, перечислить цели и задачи этих техник, а они все для меня так или иначе вписаны в ситуацию развития, или в цели и задачи развития, а более широко — в жизнестроительство, т.е. активного преобразования и трансформации структур деятельности.

Я считаю, что у нас здесь должен быть гигантский раздел, который мы должны прорабатывать на самых разных науках, я, в частности, его собираюсь прорабатывать на материале геологии и геотехники, в первую очередь, и у нас будет такое объединение, подразделение, которое будет с февраля 1981 года постоянно заседать. В феврале в Москве, в

мае в Новосибирске, в июне в Иркутске, или под Иркутском, в сентябре под Ростовом. Это будут последовательные совещания, посвященные, в частности, этому кругу вопросов о соотношении между техниками и -логиями. Я называю вам уже запланированные и утвержденные совещания. Это будет развиваться и на материале геологий, биологий, социологии, культурологии, культуротехники. Мы должны эту часть проработать. И сейчас еще Горохов пытается создать объединение по изучению технических наук, он предполагает провести «круглый стол» в журнале «Вопросы философии» в Ленинграде в ближайшее время, провести симпозиумы специальные, создать объединение, которое будет этим заниматься уже по линии философии и науковедения, и здесь нужна очень сложная работа, включающая психотехнику и психологию, ее восстановление, и организацию людей вокруг этого. Я надеюсь объединить вокруг этого студентов и аспирантов МФТИ, работающих инженеров, занимающихся человеко-машинными системами, и развернуть здесь другую дополнительную линию, связанную с понятием машины, ее включение в деятельность, в частности, цифровых вычислительных машин, или электронных вычислительных машин, но с отписыванием в деятельность, и наметить возможные стандартные цели и задачи здесь, провести типологию этих техник, типологию связей и т.д.

Мне точно так же это понадобится для того, чтобы объяснять набранные мной различные работы, в частности, обзор работ лаборатории социологии Пермского политехнического института, куда мы должны ехать.

Здесь невероятно много неразумных, но детерминированных — давлением техник на -логию — вещей. Поэтому мне надо разграничить *культуротехники* и *культурологию*, наметить эти две области, которые сейчас всюду давят друг на друга и, вообще, постараться провести четко демаркационные границы между ними, это очень важно и для архитектуры, в частности, для любой практической области. И я сейчас наметил этот первый план, он должен обсуждаться и на Пермском совещании. Поэтому, если бы кто-то из вас мог выбрать любые пункты и рассмотреть в своих пятистраничных тезисах, то это было бы очень важно.

П.Щ.: Но почему я этот вопрос задаю? Потому что там был первый кусочек — псевдо-исторический, когда говорилось о том, как возникает культурология, назывались неокантианцы, — он остался без продолжения.

Г.П.: Правильно.

П.Щ.: Это дальше будет продолжено?

Г.П.: Да.

П.Щ.: Т.е. это теперь будет опрокинуто на исторический материал?

Г.П.: Нет. Вот теперь я буду продолжать. Я, фактически, отнесся к нашей прошлой истории и через нее задал связь. Сам факт связи техники с -логией. Сказал, что для нас это характерно, и мы отличаемся тем, что для нас это не умозрительная, а техническая позиция. Мы оказались втянутыми в это и были вынуждены обсуждать это как проблемы самоорганизации, или проблемы организации своей собственной деятельности, своего понимания и т.д. Мы, следовательно, на это смотрим не со стороны, а это проходим и проживаем. И я нарисовал эту первую ситуацию и охарактеризовал ее.

В эту жизнестроительную ситуацию мы оказались поставленными, которая потом привела нас... к тому, что у нас дифференцировались и развивались наши собственные техники, и мы сейчас их четко различаем, и работаем в широкой области разнообразных техник, которые все были детерминированы этой первой ситуацией. Мы работаем в области социотехники, культуротехники, организационной техники, человекотехники, или — антропотехники, психотехники и многих-многих других.

Что их объединяет и связывает? Что дает нам возможность создать единое смысловое поле? То, что мы имеем это поле деятельно, и все это предназначено для обслуживания наших собственных технических действий. Поэтому, я не стал дальше обсуждать вопрос, как в нашей истории дифференцировались эти техники. Предположим, эту линию я наметил, как мы постепенно, шаг за шагом, от первой постановки вопроса о создании и развитии новой

методологии, новой логики или теории мышления, как мы вроде бы перестали заниматься нею или занимались не столько ней, сколько другим, и я объясняю, почему. Потому, что мы оказались в ситуации развития и борьбы, и мы обсуждали все то, что нам нужно было для борьбы и для обеспечения этого развития. И за счет этого мы выскочили из своей предметной, узкой, дурацкой, по сути дела, точки зрения и встали на деятельностьную позицию. И дальше здесь развиваются эти разные техники, они множатся непрерывно.

Было много критики в наш адрес. Говорили, что мы мечемся, переходим от одного к другому, не сидим на чем-то, но все это фуфло, поскольку мы действуем, и наше действие развивается в своей внутренней имманентной логике, очень быстро, нас эти предметные границы не интересуют, мы захватываем все то, что нам нужно для нашего действия. И, в частности, для обеспечения всех этих техник мы начали развивать большое количество логий, идущих в разные стороны. В том числе мы положили начало культурологии, в точном и прямом смысле этого слова и многим другим, что все время входит в нашу культуру. Я хотел, завершая весь этот кусок, обсудить пункт один: трансляция в кружке и за пределами кружка. Или: распространение культуры от кружка как источника новой культуры. Или распространение инноваций в культуре от кружка. Вообще, роль кружка. Поскольку это невероятно интересно.

Мы с Галиной (Алексеевной Давыдовой) вновь были вынуждены вернуться к этой теме. Она посмеялась и говорит: ну да, у вас берут очень широко — одно, другое, третье, а потом все время делают вид, что вы к этому не имеете отношения. Я ответил: это прекрасно, это значит, что берут *чистое содержание*. Когда берут слова, то слова кому-то принадлежат, а когда берут содержания, они принадлежат всем. Это, кстати, интересный вопрос. Почему продукция кружка непрерывно и в гигантском количестве входит в жизнь всего социума, и, фактически, быстро меняет нашу культуру. Кстати, есть масса людей, которые прекрасно это осознают, наряду с теми, кто старается этого не замечать и делают вид, что они ничего этого не видят и борются с этим. Но к этому я хотел вернуться в самом конце, а здесь я хотел обсудить вопрос, как же формировалась, в частности, наряду с нашей технической работой, в том числе и культуротехнической, поскольку оказывается, что вся наша работа в основе своей есть культуротехническая работа. Хотя мы готовим и кадры, а, следовательно, осуществляем и антропотехнику и т.д. И я дальше хотел посмотреть, как же, на примере культурологии, формируется сама культурология, как было создано онтологическое представление об объекте культурологии, как культура была положена как объект. И тогда мне понадобится опять эта исходная точка, которая привела к намеченному в первой линии, теперь она приведет ко второй линии, а потом над этим еще надстроится третья линия — развития, а именно — предметная организация культурологии и других логий. И как все это разворачивалось у нас.

П.Щ.: Я бы мог свой вопрос поставить несколько в жесткой форме.

Во-первых, для меня остался совершенно непроясненным момент соотношения между указанной ситуацией, т.е. ситуацией конца XIX-го - начала XX-го века, и этой обобщенной моделью, которую ты взял, на развитии Московского методологического кружка.

Г.П.: Я думал, что все это ясно, поскольку Анатолий Александрович этот кусок сказал. Я бы это сказал, но поскольку он был произнесен, я бы не стал повторяться. Я утверждаю, что и у Вундта в его «*Volkerspsychologie*», и у германских культурологов, неокантианцев, и у американских культурологов, и у английских, французских культурологов ситуация была аналогична нашей, и что это вообще стандартная ситуация возникновения представлений о культуре. В той части, которую я разрисовал. А вот онтологические представления каждый раз клались разные.

П.Щ.: Значит, ты этого показывать не будешь, а предполагаешь как само собой разумеющееся: это аналогичная ситуация.

Г.П.: Я хотел сказать, что это здесь нужно и, в этом плане, важно ...

П.Щ.: Т.е. это гипотеза.

Г.П.: Да, пожалуйста. Но здесь можно это все разобрать и показать. И здесь есть огромный раздел критической работы, где эта схема может и должна использоваться. И это не гипотеза, а установка. И здесь надо все это показывать, анализировать и рассматривать.

П.Щ.: И второй вопрос, который у меня тоже остался, в виде разрыва.

Когда был совершен переход от этой обобщенной модели, где была зафиксирована проблематика связей техники с логией как таковой, к проблематике культурологии и культуротехники. Да, у вас было там много разных техник, но откуда взялись вдруг конкретно культуротехники?

Г.П.: Не обсуждаю пока.

П.Щ.: Значит, я правильно понял, что это вылетело. Дальше, в третьем смысловом куске, рассуждение как бы имплицитно предполагало, что это уже все объяснено, намечен пункт культуротехники, культурологии, как он возник, в вашем движении, все это уже проделано, и мы продолжаем двигаться дальше и начинаем это обсуждать уже в обобщенной форме, но уже по отношению к конкретной проблематике соотношения культуротехники и культурологии, и можем опять вернуться к этому историческому материалу. Хотя такого выведения проделано не было. Мне-то представляется, что идеи Московского методологического кружка имеют некоторые трудности с включением, с одной стороны, в культуру, и как таковой, с культуротехникой ...

Г.П.: Здесь поднят действительно интересный аспект. Что здесь произошло? Культуротехники как таковые могут появляться только после появления культурологии как таковой. Но, в каком смысле? Тут впервые действует принцип «говорить прозой и знать, что ты говоришь прозой». Поскольку мы начинаем с разговора, и говорим: культуротехники, — то я говорю: различите — культуротехники, которые суть культуротехники не только по смыслу, но и по названию. Так в этом смысле культуротехники складываются вообще только последние 20 лет и то только у итальянцев. Только итальянцы школы Кроче-Аргано говорят о культуротехнике как таковой. Но они называют этим словом культуроинженерию. Вот, скажем, мы говорим о культурном строительстве у нас в стране, вот тебе культуротехника в особом ее оформлении — культурное строительство как оно понимается. Но возникает очень интересный вопрос. А вот строительство новой биологии или генетики — это культуротехника или нет? Строительство новой логики, новой методологии?

П.Щ.: Я свой вопрос зафиксировал следующим образом. Что такое культуротехника? Не функционально, так как мы можем сказать, что культуротехника — это техника над объектами культур, и переводим этот вопрос в следующий: а что такое объекты культур и какие они будут. Когда мы построим биологию — это что, культуротехника или не культуротехника? И мне здесь не понятно, почему я сказал, что ММК не-культуротехнически действует, хотя это проблематично. Мне кажется, что это социотехника, но — особого типа, которая имеет какие-то особые культурные оформления и за счет этого может при особом рассмотрении выступать как культуротехника. Но это не культуротехника в чистом виде, как я ее себе представляю.

Г.П.: Имея в виду твое представление, я высказываю здесь два своих принципиальных несогласия с твоим представлением.

1. Не может быть не-функциональных определений культуротехники. Все попытки искать материальные, морфологические определения — бессмыслица, с моей точки зрения.

П.Щ.: Потому, что нет тех самых единиц.

Г.П.: Правильно. И поэтому мне нужен вот такой заход. Поэтому я говорю: сколько бы вы не искали, вы ничего не найдете.

2. Так и происходит все время подмена. А именно: на самом-то деле есть огромное количество культуротехник, в моем смысле. Но только. Поскольку культуротехника — это понятие функциональное, и морфологических, материальных, атрибутивных признаков нет у нее, постольку, когда ты хочешь понять, что там происходило, я говорю: нет никакой истории культуротехники, поскольку она еще не стала, не сложилась. Но это еще не значит, что нет

истории культуротехник. Нет истории культуротехники, но есть история культуротехник. Только они были не культуротехниками, а техниками построения методологии.

Или, иначе, эта работа осуществляется в другом обличье, поэтому — нет подлинной истории. Если ты меня теперь спрашиваешь, а какие же культуротехники были культуротехники (во множественном числе) в истории ММК, то я говорю, во-первых: вся история есть история культуротехники. Но только не одной, а многих. И рассматривать их надо по раздельности. И я должен тогда рассказывать, как развивались наши логические представления, история содержательно-генетической логики — это одна история, история методологии, тесно с ней связанная, — другая история, история методологии лингвистики, которая развивалась параллельно, в связи с решением проблемы «речи-мысли», «мышления-языка» — это другая история, другой культуротехники, и их здесь бесконечное множество.

П.Щ.: Дальше все рассуждение понятно. Единственно, что этого хода проделано не было, поэтому у меня остался вопрос. Хотя я мог смоделировать такое движение, но ...

Г.П.: А я и не мог этого проделывать, потому я к этому должен был вернуться потом, вот сюда назад, и все то, что я сейчас проговорил, проговорить потом. Поэтому я, фактически, только наметил здесь, причем, наметил на уровне методологических схем, обсуждений, работы, т.е. программы, а не ретроспективного описания истории. Я говорил: работать надо в исследовательском плане.

П.Щ.: Когда я спрашивал в первом своем вопросе, что ты здесь делаешь, то ты не сказал, что задавал программу. Если бы ты сказал, что задавал программу, то я бы снял два других вопроса. Ты ответил, что ты обсуждал вопрос, как культурология связана и возникает из культуротехники.

Г.П.: И я правильно тебе отвечал. И я сказал: я предполагаю следующее разворачивание работ: одно, другое, третье, одно направление, другое, третье, — но отвечал я тебе правильно. Я рассматриваю соотношение культуротехники и культурологии; при этом, я рассматриваю соотношение, не определив внутренней структуры культуротехники и ее составляющих, а по понятию культуротехники.

Отсюда совершенно особая процедура онтологизации — как техники — в ее отношениях к логии.

П.Щ.: Вот это все для меня очень проблематично. Можно ли подводить культуротехнику под тип техники и считать, что мы тем самым уже принципиальное решение дали?

Г.П.: Ты тут идешь по пути всех критиков деятельностного подхода...

П.Щ.: Нет.

Г.П.: Как внешних, так и внутренних. Ты воспроизводишь их ход мысли. И, не воспроизводя его и не опровергнув, после воспроизведения, ты не сможешь стать настоящим членом кружка. Если не будет искушения, то не будет и очищения потом и утверждения на пути истинном. Тот, кто принял истину, не подвергнув ее сомнению, и не пройдя пути сомнений, колебаний, искуса, тот не утвердился на пути истинном. Поэтому это очень важно. И твой тезис тоже невероятно важен. И именно усомневшись в этом, ты становишься на правильный путь. Поэтому я отвечаю, что я считаю, что не фиксируя специфику культуры, а подведя ее под понятие техники и отношение к логии, и решив это соотношение, мы решаем вопрос принципиально деятельностный, а не на уровне знания. Ибо для меня знание несущественно, мне существен путь к познанию, в этом смысле. И ты намечаешь этот путь, программу, ты ограничиваешь границы, оппозиции эти задаешь впервые и начинаешь двигаться. А если ты этого проделал, ты даже не провел демаркационную линию, ты не понимаешь этого искуса, т.е. возможности впасть в грех. И свихнуться с пути истинного.

П.Щ.: Я получил ответ на свой вопрос.

Г.П.: Но это постоянно говорят и постоянно так возражают.

Тю: Все возражают всегда таким образом: зачем нам все Ваши абстрактные схемы и функциональные отношения, если мы не добрались до материального содержания, ведь нам про культуру надо! Не про техники вообще, а про культуротехнику.

П.Щ.: Я немного другое возражение делал. А именно, в такой картинке получается, что любая техника есть культуротехника при особой ситуации рассмотрения.

Тю: Пока только сказано одно. Есть техники, и вопрос относительно того, являются ли они культуротехниками, открыт до тех пор, пока ты не определил, что такое культуротехника, т.е. не построил соответствующую онтологию или соответствующую логику, для того, чтобы не только по смыслу быть культуротехниками, но и по названию.

Т.е. по смыслу ты окажешься, действительно, везде культуротехником, так как нет у тебя различия, по функции — ты техник, а по морфологии — у тебя нет различий, что относится к культурным объектам, что относится к социальным и другим. Ибо объектов нет.

П.Щ.: И более этого, даже когда я такое различие проведу, то может оказаться такая ситуация, где, вроде бы, техника не по отношению к объектам культуры, уже в том понимании, будет все равно культуротехникой.

Тю: Будет в зависимости от того, как ты задашь культуру.

Г.П.: Красивая формулировка. Да. И я говорю следующее, что ошибка не-деятельности-ков состоит в том, что они думают, что специфика культуротехники заключена в объекте, в культуре, а не в деятельности — технической и ее особенностях. Я говорю, что твой вопрос красив и невероятно значим. Но я-то на него отвечаю, принципиально ломая саму постановку вопроса. Я говорю, что ваш поиск культуры как объекта есть наивность, вне деятельности. Нет такого объекта как культура. Это результат вашего наивного натуралистического гипостазирования. Культура есть то, что вы делаете культурно, особым образом. Но тогда получается, что когда вы спрашиваете про объект, то у вас объект должен быть морфологическим, а я на это отвечаю, что объект есть образование чисто функциональное. Границы объекта определяются структурой вашей деятельности.

П.Щ.: Правильно. И приняв все это, я задаю свой вопрос, но совершенно иначе. Я спрашиваю: будет ли тогда подведение под род деятельности техники культуротехники достаточным для того, чтобы понять те функциональные структуры, которые там возникают, в культуротехнике как особом роде техники. Не особом по объекту, а особом по структурам деятельности, которые там возникают.

Г.П.: Петя, здесь ты ломишься в открытые ворота. Я отвечаю следующим образом. Культуротехникой будет *техника, организованная культурологически*, т.е. представлением о культуре, полученном в культурологии. Поэтому по структуре деятельности это будет техника, но эта деятельность, среди прочего, определяется и набором обслуживающих ее знаний, и эти знания суть подлинные изначальные элементы деятельности, определяющие характер объекта. Поэтому культуротехника любого рода определяется не через материал объекта (так называемой культуры), а через структуру технической деятельности, функциональные элементы (узлы) которой заполняются культурологическим знанием. Определенная комбинация и определенное соотнесение знаний, включаемых в эту техническую деятельность, и задают ее направленность на объект и формируют сам объект. И в этом смысле знания первичны по отношению к объекту, а объект всегда вторичен. Платон был прав, и это снято в диалектическом материализме. Это краеугольный камень в диалектическом материализме, в отличие от материализма вульгарного. Маркс говорил, что ошибка всего предшествующего материализма в том, что объект брали как объект созерцания, а не как предмет практической человеческой деятельности, не через деятельность он определялся и не через знания. Что значит предмет? Предмет есть отнесение знания в объективность. И когда ты спрашиваешь, как это так, то я говорю, что все учтено. Культуротехника есть техника — по своей структуре — детерминированная культурологическими знаниями. И если знания там культурологические, то эта техника будет культуротехникой.

П.Щ.: Но тогда у тебя есть уже культурология, раз ты утверждаешь, что все ваши техники, глядя на историю ММК, суть культуротехники.

Г.П.: Конечно, у меня есть культурология. Я начал с этого свой доклад. Что мы заложили впервые для Советской страны культурологию. Мы создали в 1961 году культурологию, это было летом. И в январе 1962 года мы ее доложили.

Тю: Внешние критики, когда оценивают работу кружка, то говорят, что есть две вещи, которые кружок действительно создал сам, без всякого вмешательства. Это — представление о культуре и представление о деятельности. Все остальное не обсуждается. Две вещи, если брать в культуре, то пока никакой осмысленной позиции, кроме позиции ММК, нет.

Г.П.: Происходило это в несколько этапов на бульварах по Ленинградскому шоссе от Белорусского вокзала до «Сокола» и происходило это в июле-августе 1961 года. Мы с Володией Лефевром гуляли в это время.

П.Щ.: Я другое спрашиваю. Сама постановка вопроса, о которой ты сказал, а именно, т.е., с наполнением функциональной структуры техники культурологическими знаниями, предполагает, действительно, сформированной не идею как таковую, не подход, не задание общей онтологической схемы, в которой начинает формироваться эта область культуры, и задание схемы культуры, как это было сделано, а именно задание культурологии как определенного целого, достаточно разработанного и расчлененного.

Г.П.: Ничего подобного. Опять ты все перепутал. Культуротехникой это становится, начиная от первой онтологизируемой идеи культуры. Некая техника становится культуротехникой тогда, когда появляется первая идея культуры, которая может быть онтологизирована. И этим определяется соотношение с другим и первые различия. В основе этой первой идеи лежало...

П.Щ.: Но тогда оказывается, что любая техника может рассматриваться как культуротехника, как социотехника...

Г.П.: Ты как раз ничего не понимаешь, поскольку я утверждаю следующее. В первой идее деятельностного представления культуры было различие культуротехники, социотехники, антропотехники, природотехники — всех техник. Ведь эта идея сразу дает разграничение, всю типологию, весь набор. И четкие дифференциальные признаки одного, другого, третьего и четвертого.

Тю: Он про это и спрашивает.

Г.П.: А для этого не нужна теория, разработанная в деталях, нужна идея. И эта первая идея была таковой, что она все это различала и распределяла.

Тю: Он и задает вопрос. Как же это так я на идее получу дифференциальные типологические признаки.

Г.П.: Я и говорю, что не понимает.

Тю: Он не понимает так же, как я каждый раз говорю. Я понимаю, что Вы людей различили, только нарисуйте мне и напишите мне признаки, чтобы я их увидел.

Г.П.: Вы, к сожалению, на первом часе не были, где я боролся с Вами и объяснял эту позицию. Но я замкнул дальше все это и буду пояснять.

Для того, чтобы понять, что здесь происходило и как происходило, надо представить себе этот общий контекст наших обсуждений и понять, что нас, начиная с 1953-54 года, в условиях этой нашей технической деятельности, ориентированной на развитие, и все время в плане мыслительном и теоретическом интересовали проблемы развития. Все, что мы брали и рассматривали, мы брали и рассматривали в плане исторического развития. И, собственно говоря, эта идея исторического развития, наоборот, помогала нам понимать то, что мы делаем, нашу борьбу — как развитие и трансформацию структур деятельности. Поэтому очень важно, и это есть условие понимания происшедшего, представлять себе, что мы все время ставили в идеальной действительности нашей теоретической работы вопрос о том, как развивается: как

развивается мышление, как развиваются понятия, как развивается мыслительная деятельность, как развиваются операции. Таким образом, первое условие для перевода наших реальных технических проблем в проблемы мыслительные было осуществлено, значит.

Влияет ли как-то рефлексия? Я думаю, что здесь происходило наоборот. Как вы знаете, мы-то ведь были хорошо воспитаны в идее исторического развития, принцип историзма был для нас определяющим, мы его заимствовали от наших учителей. Маркс и Энгельс рассматривали все исторически, и нам сам Бог велел, следовательно. Поэтому идея исторического существования всего этого была нам вменена. И поскольку она нам была вменена, то, естественно, что свои собственные, коммунальные даже, действия мы рассматривали в этом историческом плане. Опять же, вчера Галина меня спросила, почему я так уверен в том, что действия кружка или то, что происходит, имеет историческое значение. Она-то этот вопрос обсуждает под одним практическим углом зрения: как бы выбросить все бумажки, которые есть, и зачем их хранить. Как отобрать хотя бы половину и прочее? Жалкие бумажки, этот текст предложения 1965 года об организации группы по социологии познания при Институте философии Академии Наук СССР и программа группы социологии знания, подробно разобранные.

Она говорит: — Зачем это все нужно?

А я отвечаю, что там заложены основы для построения социологии знания.

— Но 1965 год...

А я говорю: — А какое это имеет значение? 300 лет может быть не будет этой программы, потом к ней придут и будут ее разрабатывать, какая мне разница? Все задумано на 300-500 лет и будет постепенно реализовываться. И привожу массу примеров, когда задумывалось в 60-м году, 65-м году, и сейчас только-только начинает организовываться постепенно, точно по этим программам.

— А где уверенность? — Говорит она.

А я говорю, что мне не нужна уверенность, у меня же есть установка такая, мне это вменено. Я веду себя так, что это должно быть таким. Но при этом мы, следовательно, рефлексировали так ситуацию нашу, и у нас существовало соответствие между схемами в действительности мышления и живой ситуацией, идущее от схем, в действительности мышления. Не от ситуаций к схемам мышления было движение, а от вмененных нам схем, извне пришедших, к способам осознания нашей ситуации. Мы свою коммунальную ситуацию осознавали как исторически значимую. У нас не было уверенности, что наша работа будет носить исторический характер. Мы так строили всю свою работу, исходя из того, что она имеет историческое значение, и так ее организовывали, как имеющую историческое значение. Может быть, по бедности, поскольку мы схем не знали, нам ничего другого вменено не было. Уж если мы действовали, мы должны были действовать исторически, и только так, поскольку другого быть не может.

Тю: Фактически, рефлексия, организованная схемами, в данном случае оказалась в лучшем положении. Представим себе, что рефлексия организована множеством схем, как это происходит в реальной жизни, когда их очень много, они между собой не связаны и еще их как-то надо соотнести, и они все ведь определяют рефлексию, в итоге и получается абракадабра в попытке увидеть мир сразу, полностью.

Г.П.: Да. Но здесь есть и другой аспект. Аспект волевой. Опять же вчера, вопрос Гали Беляевой, и вопрос был поставлен очень резко. Это что — недостаток интеллекта? Т.е. есть интеллигентность, заинтересованность, недостаток интеллекта? Я ответил: недостаток личности, чувства ответственности не хватает за свои действия. Отсюда — слабости интеллекта, а не наоборот. Слабость личности приводит к слабости интеллекта. Поскольку, если личность волевая, произвольно действующая, она хочет или не хочет, произведет выбор и примет решение, а когда решение принято, то начинается реализация в действии. А если личность слабая, то она все время колеблется и все время обстоятельства, схемы рефлексии ее сдвигают. И она принимает одно, другое, третье, четвертое, т.е. все время ситуация ведет. Эти

моменты очень важны. Вот это соответствие между, как бы, ситуацией и формами мыслительной организации рефлексии.

Тю: Т.е. ни онтологические, ни предметные, ни знаниевые, никакие другие. Схемы совершенно особые.

Г.П.: Пока как принцип. Кстати, здесь Петя проделал очень интересную работу — на работах Выготского. У Выготского был точно так же принцип историзма. Что это такое? Это пока принцип, а не онтологические схемы. Дальше они особым образом переводятся в онтологемы такие простые и организуют особый онтологический мир, мир развития. И у нас было практически то же самое. Я не знал, что Выготский проделал это, да и сейчас во многом сомневаюсь, проделал ли он это, буду требовать подтверждения. А вот мы — это я знаю твердо, это зафиксировано в диссертации Грушина, это зафиксировано в моих работах — мы, фактически, мыслили уже с какого-то момента шагами развития, или развивающего преобразования. И это переходило в онтологию. И я находился в поиске этой онтологии, в частности, — 1954 год, — применительно к операциям. Меня интересовало, как развиваются или могут развиваться операции мысли, и как это представить себе. Частично этот материал вы сейчас можете прочесть по публикации в «Системных исследованиях» 1975 года. Это та исходная работа, которая репрезентирует этот заход. Вы помните, как там ставится вопрос. Как мы можем оценивать акты мышления, акты речи, можем ли определять их как развивающиеся? Ответ: нет, не можем, они просто осуществляются, они не функционируют и не развиваются. Развиваться могут только наборы этих операций. И вот тогда мы приходим к жесткой оппозиции. Т.е. мы членим пространство на две части, пространство мыслительной своей действительности.

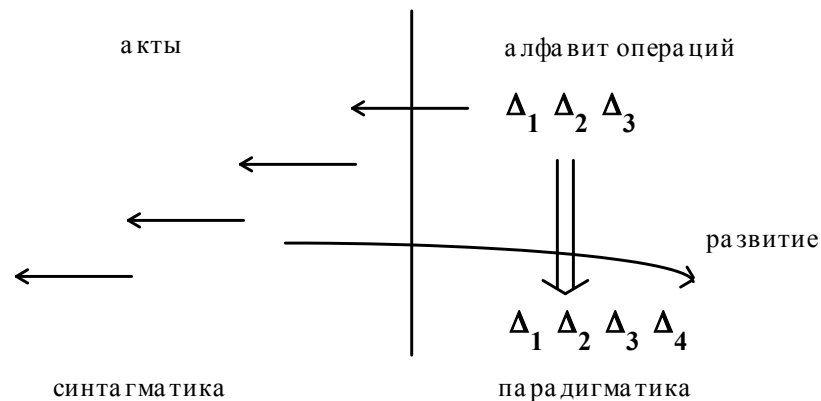

Рис. 6

Здесь есть некоторые акты (Рис. 6), которые каждый раз предельно индивидуальны, акты мысли-речи, имеют ценность в своей индивидуальности непреходящей, а справа имеется алфавит операций Δ_1 , Δ_2 , Δ_3 . И каждый такой акт, каждый такой процесс есть не что иное, как реализация определенного набора в определенной последовательности операций из общего запаса. И дальше вся работа идет на этой паре, на вот так очень сложно разделенном пространстве.

Фактически, — это происходит в 1954 году, — мы производим разделение на синтагматику и парадигматику, и работаем в единицах, объединяющих синтагматику и парадигматику. И теперь меня интересует механизм. Т.е. я должен построить процесс, который бы связал все это. И у меня получаются такие схемы, что каждый акт есть реализация того или иного набора операций, дальше есть какие-то переходы, очевидно, от процессов кооперации, намечается эта атомистика. Мы с И.С.Ладенко, с Н.Г.Алексеевым обсуждаем эти проблемы отношений между операциями и процессами, способы раскладки и т.д. Это круг вопросов, которые нас в то время интересуют. И ко всему этому теперь начинает применяться понятие развития, потому что парадокс уже зафиксирован. В процессах или актах мысли, речи, действия

не может быть развития. Развитие либо принадлежит всей системе, либо правой части — парадигматике. Ответ, вроде бы, достаточно очевидный: процесс развития принадлежит парадигматике, и там происходит фиксация развития, простых форм Δ_1 , Δ_2 , Δ_3 , Δ_4 . Появляется, скажем, новая операция. И на материале атрибутивных знаний все это построено, фундировано на частном материале, материале математики. Мы интересуемся вопросом, как возникают новые операции. Процесс изменения, развития фиксируется на уровне парадигматики, а механизм, очевидно, лежит и тут и там. Т.е. механизм развития по пространству своему не совпадает с пространством процессов. Появляется эта оппозиция «процесс-механизм», с этой точки зрения все время идет полемика с работами Б.А.Грушина, с его логикой исторических исследований, тоже ищутся там шаги развития, все время этот материал обсуждается. И вводится осознание или рефлексия как обеспечивающая обратную связь от синтагматики к парадигматике, ищутся особые процедуры разбивки процессов по операциям, сопоставления и т.д.

Это все есть, зафиксировано, к 1958-59 году описано уже в больших работах, имеется целый ряд приложений на разном материале и т.д. Но там нет никакого понятия культуры, никакого понятия воспроизводства, никакого понятия деятельности. Это все относится к мышлению, и, более узко, к процессам и операциям. Еще не подключен вопрос с ролью знаний. Но параллельно, в работах Аристарха, зафиксирована масса очень интересных деталей, где процедуры переходят в средства, средства идут в процедуры, совершенно другие схемы рассуждения, и в этом смысле работа про Аристарха является парадоксальной. Она эти примитивные представления вроде переворачивает, хотя задача состоит в том, чтобы соединить одно и другое.

Это все происходит в 1954-59 годах. Этот цикл закончен к 1959 году, включая Аристарха и т.д. И хотя он постоянно обсуждается в 1969, в 1962 году, но именно в контексте проблем исследования мышления, всех этих проблем. Это надо историю смотреть, прорабатывать.

Многое я уже, наверное, забыл, многое извращаю, в мифах представляю себе, наверное. Это требует проверки. Эта схема все время существует, витает, но не о ней речь. Новый цикл работ и обсуждения появляются в связи с подготовкой к семиотической конференции, которая намечалась сначала на 1961-62 год. И мы вынуждены обсуждать судьбу произведений искусства с семиотической точки зрения, вообще — развитие семиотики. И в процессе подготовки к этой теме, как я уже неоднократно рассказывал, эта схема приобретает совершенно новую трактовку. И именно из нее теперь должна родиться схема воспроизводства деятельности.

И когда возникает схема воспроизводства деятельности, то впервые и появляется, на этом правом углу, там, где область парадигматики, появляется представление о блоке культуры и культура. И, таким образом, культура задается как целое, как функциональный элемент в системе воспроизводства деятельности, или в процессе и механизмах воспроизводства деятельности. И все это переосмысливается совершенно по-новому.

Тю: А то, что это определяется как культура, задано тем, что уже к этому времени идеи развития универсума деятельности должны быть реализованы и рассматриваются они как универсум деятельности. И поэтому нужно же определить этот функциональный блок в схеме воспроизводства? Сначала сама схема появляется вроде бы не на универсуме деятельности, а на решении вопросов, с одной стороны, операций, развития, на этих представлениях, либо...

Г.П.: Нет. Это все к проблемам универсума деятельности не имеет отношения и решалось не на схеме универсума, а на объяснении канала. Но я сейчас пока не обсуждаю этот вопрос, поскольку надо уже заканчивать. Я все это проработаю детально и постараюсь вам показать. А сейчас мне важно набросать общую идею с основной канвой. И сказать только одну принципиальную вещь, в нашем контексте.

Очень важно понять, что культура в этом представлении выступает как функциональный элемент, или функциональный блок, в организации деятельности, в процессе ее воспроизводства, функционирования, исторического развития. На единстве всех трех процессов. Что это значит? Это и есть принципиальная вещь, о которой Вы меня спросили и на

которую я косвенно отвечаю. На этом этапе нужно было, фактически, не представление об универсуме, а представление о целостности объекта, о целостности мыследеятельности, мышления, деятельности. Что оно — целое. А представление о целостности достигалось за счет задания единого процесса и механизма. Пусть это во фрагменте, но как принцип. Когда вводится представление о функциональной организации деятельности и мыследеятельности, то появляется возможность задать культуру как функциональный элемент деятельности. Тем самым, задать культуру как целое. Через этот схематизм. И это очень важно и существенно. И противопоставляется, Петя, это все социальному, реализации.

Поэтому, фактически, происходит расчленение двух пространств: пространства культуры и пространства социальной реализации. И человек здесь появляется, и педагогика появляется отдельно.

Поскольку все здесь завязано на одной схеме, постольку все различено в рамках этой схемы, различено, разделено, противопоставлено друг другу.

Тю: Еще один вопрос, имеющий отношение к моей личной истории, нашим дискуссиям. Почему же все-таки на протяжении многих лет Вы каждый раз отрицательно реагировали на мое утверждение, что на схеме воспроизводства реализовывалась идея развития и даже задавалось понятие?

Г.П.: И я снова отвечаю, что это не так. Вы можете просто взять эти работы. Они есть в библиотеке. Схема первая. Дальше она есть не что иное, как перевод нового содержания в прежнюю схему, с новым наполнением. Проблема развития решалась в работах 1954-59 годов. И была решена и появилась эта схема.

Тю: На этой схеме? И она не была потом введена для деятельности на схеме воспроизводства?

Г.П.: Развитие? Нет. Причем, оказалось, что развитие... Тогда, в 61-62 годах это нас просто не интересовало. И за счет того, что нас это не интересовало, мы взяли уже имеющуюся форму, это к Колиным вопросам, как возникают слова, как возникают графемы. Графемы не возникают, графема была. Графема была теперь по-новому проинтерпретирована, имеющаяся графема, и затем она начала трансформироваться по логике нового содержания.

А как она была проинтерпретирована? Она была проинтерпретирована как процесс воспроизводства. И тут Вы можете задавать вопросы, как же происходила эта переинтерпретация. И я Вам дальше расскажу, как это было, это невероятно интересно: писалось параллельно три текста на разные темы. Одна из них касалась развития речи-языка. Другая касалась воспроизведения... слушания музыкального произведения.

Здесь нужно конкретно смотреть, как произошли эти переинтерпретации, переистолкования, вот что здесь важно. Пока что я беру лишь две точки и говорю: вот была схема развития, и она трактовалась как схема развития, вот получилась другая схема, и она трактовалась как схема воспроизводства деятельности, т.е. процесса, не имеющего отношения к развитию. Вас что интересует, как получилось?

Тю: Нет. Меня интересует утверждение, в данном случае, на схеме онтологического порядка. При этом утверждение: культура есть функциональный элемент целостного механизма воспроизводства и развития деятельности. А культура задавалась именно на схеме воспроизводства как функциональный элемент и могла появиться только там. Значит, схема воспроизводства, если я правильно понимаю, представляла собой схему развития деятельности и воспроизводства.

Г.П.: Нет. Эта схема представляла собой схему воспроизводства деятельности. И это важнейший результат и достижение. Теперь Вы можете спрашивать: куда делось развитие, как оно было отдифференцировано и отделено, как схема развития была трансформирована в схему воспроизводства.

Тю: Теперь меня действительно будет интересовать, куда делось развитие. А не как трансформировалось.

Г.П.: Куда делось развитие? Развитие, слава Богу, было отделено, и это очень важно и принципиально.

Текст подготовил В.А.Проскурнин

Харьков, 1998